Круглый стол «Памяти Теодора Шанина»[1]

А.И. Алексеев, А.А. Артамонов, А. Берелович, Г. Бернстайн, В.Г. Виноградский, В.В. Кондрашин, Б. Монджане, А.М. Никулин, С. Пурушотаман, Дж. Пэллот, Ш. Рамон, Д.М. Рогозин, О.П. Фадеева, М. Харрисон, Р. Холл, И.Е. Штейнберг

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991 Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Александр Алексеевич Артамонов, ведущий специалист Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т. Вернадского, 82. E-mail: aartamonov@yandex.ru

Алексей Берелович, Университет Париж — Сорбонна (Париж IV). Франция, Париж 5 округ, рю Виктор-Кузен, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Генри Бернстайн, почетный профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Пл. Рассела, Лондон, WC1H oXG, Великобритания; адъюнкт-профессор Школы гуманитарных исследований и девелопментализма Китайского аграрного университета (Пекин). E-mail: HYPERLINK "mailto:henrybernstein@hotmail.co.uk" henrybernstein@hotmail.co.uk

Валерий Георгиевич Виноградский, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН. 117292 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Бонавентура Монджане, научный сотрудник Института бедности, земельных и аграрных исследований (PLAAS) при Западно-Капском университете, Южная Африка. E-mail: boa.monjane@gmail.com

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

---

1. Публикация подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия».

Сима Пурушотаман, профессор Азим Преджим университета, Бангалор, Индия, 562125. E-mail: seema.purushothaman@apu.edu.in

Джудит Пэллот, почетный профессор Школы географии и окружающей среды Оксфордского университета. Оксфорд, OX13QY, Великобритания. E-mail: judith.pallot@chch.ox.ac.uk

Шуламит Рамон, профессор Школы здоровья и социальной работы Хартфордширского университета. Хатфилд, AL10 9AB, Великобритания. E-mail: s.ramon@herts.ac.uk

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. 119034 Москва, Пречистенская набережная, 11, корп. 1. ком. 404. rogozin@ranepa.ru

Ольга Петровна Фадеева, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН. 630090 Новосибирск, пр-т Лаврентьева, 17. E-mail: Fadeeva_ol@mail.ru

Марк Харрисон, почетный профессор Факультета экономики Уорикского университета. Ковентри, CV4 7AL, Великобритания. E-mail: Mark.Harrison@warwick.ac.uk

Рут Холл, профессор Института бедности, земельных и аграрных исследований (PLAAS) при Западно-Капском университете, Южная Африка, Бельвиль X17, 7535. E-mail: rhall@uwc.ac.za

Илья Ефимович Штейнберг, кандидат философских наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета. 127051 Москва, ул. Сретенка, д. 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

В заключительный день Чаяновской международной конференции, проходившей 22–23 октября 2020 года, состоялся круглый стол памяти Теодора Шанина, замечательного ученого-аграрника, одного из крупнейших исследователей наследия А.В. Чаянова. Круглый стол был посвящен одновременно и памяти профессора Шанина, ушедшего из жизни 4 февраля 2020 года и его юбилею — 90-летию — 29 октября 2020 года. За выступлением на круглом столе друзей, коллег, учеников Шанина (проходившего в режиме онлайн из-за пандемии) наблюдало более 60 ученых и студентов из разных регионов России и мира.

Круглый стол открылся выступлением профессора Шуламит Рамон, вдовы Теодора Шанина, рассказавшей о мировоззренческих доминантах его жизни и деятельности, об интеллектуальной связи Шанина с Россией. Затем в выступлениях британских коллег Теодора Шанина — профессоров Г. Бернстайна, М. Харрисона и Дж. Пэллот были проанализированы направления основных академических исследований и дискуссий, начиная с 1970-х годов, посвященные вопросам социальной дифференциации крестьянства, связанные с идейным наследием Ленина и Чаянова, в которые огромный вклад внес Теодор Шанин.

Ученый из Франции — Алексей Берелович уделил большое внимание характеристикам Шанина как политолога, блестящего аналитика политических процессов советской и постсоветской России. Российские коллеги — географ А.И. Алексеев, историк В.В. Кондрашин, а также социологи В.Г. Виноградский, О.П. Фадеева, И.Е. Штейнберг, А.М. Никулин, Д.М. Рогозин, А.А. Артамонов вместе со своими личными воспоминаниями о Шанине дали всесторонние характеристики его междисциплинарной методологии аграрных исследований. Ученые-аграрники из ЮАР Монджани Бонавентура и Рут Холл, а также из Индии — Сима Пурушотаман

охарактеризовали значение шанинского наследия для изучения развития крестьянства в регионах Африки и Азии.

В большинстве выступлений специально подчеркивалась и анализировалась интеллектуальная связь профессора Шанина с российскими аграрными исследованиями марксистских, народнических направлений, а также школы Чаянова.

Ключевые слова: Шанин, крестьянство, аграрная социология, социальная дифференциация, Россия, марксизм, народничество, Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-4-39-77

А.М. Никулин: Уважаемые коллеги! Чаяновская конференция завершается круглым столом, посвященным памяти Теодора Шанина, замечательного ученого и организатора науки, основателя Московской высшей школы социальных и экономических наук, откуда и я, Александр Никулин, директор Чаяновского исследовательского центра, и Александр Артамонов, IT-специалист, ведем наш сегодняшний круглый стол. Рады приветствовать всех, кто к нам сегодня подключился. Выступить сегодня мы пригласили не только друзей Теодора Шанина, но и его коллег, тех, с кем он десятилетиями работал над темой сельской, аграрной социологии.

Мне хотелось бы передать сейчас слово Шуламит Рамон, вдове Теодора.

Ш. Рамон: Для меня большая честь открыть круглый стол Чаяновской школы памяти Теодора Шанина. У Теодора и Александра Чаянова была общая вера в уникальность крестьянских обществ по сравнению с другими обществами, особенно в контексте капитализма, марксистской мысли, российского коммунизма. Теодор соглашался с Чаяновым в том, что эту уникальность необходимо принимать во внимание при любой попытке реорганизовать жизнь крестьян. Иначе такие попытки потерпят неудачу, и это нанесет ущерб и самим крестьянам, и обществу, частью которого они являются. Впрочем, уже в первой своей книге «Неудобный класс» Теодор изложил взгляды других ученых и указал моменты, в которых он расходился с Чаяновым. Однако главное, в чем он был солидарен, это ключевые гипотезы и методология, разработанные Чаяновым в исследованиях образа жизни крестьян. Теодор восхищался глубиной и упорством Чаянова, который заплатил высокую цену за то, что придерживался своего образа мышления в темные для России времена XX века. Теодору повезло больше, чем Чаянову, — он работал в России в более светлое время и смог внести важный вклад в то, чтобы превратить Россию в лучшее место для исследователей, для теоретиков крестьянства. Но речь идет не только об этом. Ему пришлось проявить упорство для того, чтобы добиться относительной автономии Московской высшей школы социальных и экономических наук, Центра крестьянских исследований, чтобы

поддерживать новое поколение ученых, способствовать большей открытости всех тех областей, которые развиваются в «Шанинке». Теодор был готов работать с любой организацией, которая разделяла его ценности, касающиеся верности своим убеждениям и уважения достоинства людей, независимо от их религии, цвета кожи и культуры. У него были очень хорошие отношения с преподавателями Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ) в Москве — он помог им продолжить работу в области социальных наук, хотя сам всю жизнь был атеистом. Кроме того, он поддерживал группу российских художников, хотя сам не был художником. В отличие от Чаянова, он не писал романов или рассказов, но при этом у него был целый ряд писателей и поэтов, которые ему особенно нравились и к чьим произведениям он часто возвращался. Среди них можно назвать как русских писателей, так и зарубежных. Он очень увлекался фантастами, историческими романами и детективными рассказами. Эта смесь демонстрирует его открытость к разнообразным дилеммам, с которыми сталкивается человек. Большое спасибо за организацию этой конференции в честь Теодора. Я уверена, что он хотел бы быть со всеми вами сегодня, когда ему исполняется 90 лет. И я знаю, что он очень гордился достижениями крестьяноведческих исследований. Я также с нетерпением жду возможности узнать больше о вкладе Чаянова и Теодора в крестьяноведение и буду рада послушать выступающих на этом круглом столе. Спасибо!

А.М. Никулин: Большое спасибо, Шула. Безусловно, у всех нас есть ощущение, что Теодор с нами. А сейчас я передаю слово профессору Бернстайну. Его доклад называется «Шанин, Чаянов и крестьяноведческие исследования в России и в мире».

Г. Бернстайн: Прежде всего я хотел бы поговорить о том, как Шанин использовал работы Чаянова. Хотя сразу же предупрежу, что мои рассуждения имеют определенные ограничения, поскольку я не могу читать по-русски. Я знаю, что работа в Москве последние 30 лет занимала большую часть внимания Теодора; что он продолжал исследовать и публиковаться на русском языке, потому что основная часть работ Чаянова доступна только на русском языке. Итак, мое выступление базируется на статье «От российской к современной мировой истории. Теодор Шанин и крестьянские исследования», в которой рассматриваются работы 1970–1980-х годов — это основной период его публикаций на английском. Я постараюсь отследить основные темы, которыми занимался Шанин, в их числе проблема формирования базового научного направления крестьянских исследований — «крестьяноведения», исследования развития капитализма и его влияния на крестьянство в России с конца XIX века и до сегодняшнего дня, идеи продвижения модернизации крестьянского хозяйства государством, его отношение к марксизму в историческом российском контексте и за его пределами. Также я остановлюсь на его взглядах на крестьянскую

классовость и политику, его видении альтернативного пути развития сельского хозяйства, основанного на крестьянском хозяйстве.

Тесная близость взглядов Шанина и большей части русского народничества XIX века и неонародничества Чаянова, его школы, особенно в 1920-е годы, пронизывала все, что писал Теодор. Когда Шанин говорил о возрождении крестьянских исследований в 1960-е годы, он находился под очень серьезным влиянием переводов на английский язык Чаянова и Маркса, в частности Марксова очерка «К критике политической экономии». Что касается моего выступления, то я хотел бы сказать несколько слов о сельском домохозяйстве, ведь именно с этой темы Шанин всегда начинал аналитический разговор о крестьянстве. Здесь им уделялось основное внимание простому воспроизводству в экономике крестьянских хозяйств при определенном акценте на анализ организации экономической и социальной деятельности. Это было очень хорошо смоделировано также и Чаяновым. Речь шла о том, что такие хозяйства управляются иной логикой, нежели максимизация прибыли или прибыли от инвестиций, которая характерна для капиталистического предприятия. Крестьянская логика опирается на расчет ресурсов, регулирование ресурсов и усилий, необходимых для простого воспроизводства в соответствии с балансом производства и потребления в домохозяйстве на протяжении его поколенческого, а следовательно, демографического цикла. Из-за этой особой логики многие крестьянские практики считаются иррациональными с точки зрения постулатов традиционной экономики, которая ориентирована на максимизацию прибыли, обусловленную рыночными условиями. Вместе с тем хочу отметить, что Теодор в своем собственном анализе российского крестьянства испытывал меньшее влияние экономических теорий Чаянова и не использовал чаяновское понятие расчета производства потребления домашних хозяйств, выраженное в терминах «предельной полезности». Таким образом, Шанин предложил свою собственную новую концептуализацию циклической мобильности крестьянских хозяйств. В основном эта модель описывается в его работе «Неудобный класс». В ней он также отметил, что чаяновское соотношение потребления и тягостной работы наименее им используется или разделяется среди основных идей Чаянова, поскольку эта демографическая модель Чаянова, ориентированная исключительно на семью, начинает выходить из употребления в современном мире. Однако напомню, что именно эта модель Чаянова по принятию решений также положительно воспринималась традиционными экономистами из-за индивидуального подхода к принятию решений, которые были бы направлены на максимизацию пользы, если не максимизацию прибыли.

Второе. Шанин искал объяснение воспроизводства крестьянского хозяйства в своей модели разнонаправленной циклической мобильности, выступая против того, что он называл «биологическим детерминизмом», что также часто ассоциируется с Чаяновым и его

школой. Впрочем, Теодор также выступал и против экономического детерминизма марксистов. Он предлагал некоторые аналитические дополнения к идеям Чаянова, основываясь на постулате: «Крестьяне-середняки всегда, по крайней мере, до 1930 года, составляли значительное большинство российского крестьянства». В этом Шанин присоединился к народнической вере в «способность крестьянской сплоченности противостоять капиталистической дифференциации».

Третий момент — Шанин делал особый упор на крестьянскую общину, в которой может быть удовлетворена большая часть потребностей крестьян в социальной жизни и социальном воспроизводстве. Также хотелось бы подчеркнуть его идею деревни как экономической единицы. Мне кажется, что это в работе Теодора уже выходит за рамки идей Чаянова. Отчасти это отражало то, как Шанин воспринимал и интерпретировал антропологические и социологические исследования, но я думаю, что основным источником его вдохновения был мир крестьянской общины и значение его для российского революционного народничества. В частности, в своем эссе, которое было опубликовано до его работы «Неудобный класс», он писал: «Упорная ограниченность деревенских собраний и жестокость межсемейных распрей указывали на то, как далека была крестьянская община от братской любви, в которую верили народники». Теодор хотел дистанцироваться от народнической идеализации крестьянской общины.

В-четвертых, если говорить о восприятии крестьянского хозяйства Чаяновым, он отмечал, что довольно мало сомнений в том, что основные тенденции изменений в современном мире приводят к пониманию типичных крестьянских социально-общественных структур и самого крестьянства как одного из аспектов прошлого, сохранившегося в современном мире. Анализ Чаянова нельзя завершить, просто идя тем же, что и Чаянов, путем, хотя Теодор и считал: слабость заключается не в неверности, а в недостаточности анализа, поскольку с чаяновских времен в мире произошли огромные социальные изменения. Впрочем, пожалуй, это можно сказать о многих авторах, которые работали на переломе XIX–XX веков. Почему Теодор сделал это замечание? Потому что крестьянская экономика постоянно менялась и трансформировалась в основном за счет внешнего вмешательства, особенно со стороны государства и транснациональных компаний. Он писал о том, что сельское общество и сельские проблемы уже невозможно объяснять исходя из их внутренней логики, их необходимо рассматривать с точки зрения различных внешних процессов, в частности потоков рабочей силы и капитала, которые намного шире, чем функционирование обычного крестьянского хозяйства.

В-пятых, Шанин считал, что неслучайно именно на примере России Маркс узнал много нового о глобальном неравенстве, о крестьянах и революции. Это те идеи, которые будут актуальны и в грядущем веке. Наши российские друзья помнят об этом ша-

нинском утверждении: три источника аналитической мысли Маркса, предложенные Энгельсом — немецкая философия, французский социализм и британская политическая экономия, — должны быть дополнены русским революционным народничеством. И я задаюсь вопросом: какова была связь между Чаяновым и русским революционным народничеством? Возможно, участники этого круглого стола смогут пролить свет на этот вопрос.

В-шестых, Шанин пытался понять: крестьянское хозяйство — это способ производства? И отвечал, что в целом концепция крестьянского способа производства имеет слишком много эвристических ограничений. И это довольно интересно, поскольку некоторые ученые — последователи Теодора в 1960–1970-е годы утверждали, что крестьяне демонстрируют особый способ производства. Однако Теодор не считал это убедительным. Насколько я знаю, он не так часто обращался к эссе Чаянова «К вопросу о теории некапиталистических экономических систем». В своей статье 1971 года Теодор писал о позиции Чаянова относительно крестьянского понимания вертикальной интеграции, в том числе различных функций сельского хозяйства, которые играли первоочередную роль в повышении благосостояния хозяйств, что постепенно приводило к распространению крестьянской кооперации. Теодор объяснял, что различные отрасли сельского хозяйства должны были объединяться на основе намного более широких принципов, поскольку в укрупненном виде они смогут работать более эффективно, чем отдельные крестьянские хозяйства. Крупные хозяйства смогут их поддерживать, предоставляя кредиты, машины, химикаты, семена, средства сбыта, но одновременно не разрушая те аспекты экономики, где мелкое семейное производство технически более эффективно. Иными словами, кооперативные механизмы таких структур могли бы предотвратить доминирование крупного капитала и, как следствие, его способность эксплуатировать семейные хозяйства, что является центральной темой в аграрных исследованиях и сегодня. Я думаю, что участникам этой конференции будет интересно узнать, что концепция вертикальной интеграции Чаянова рассматривается, например, ведущим ученым-марксистом Яросом Банаджи в его книге «Краткая история некоммерческого капитализма», опубликованной в этом году, как основное, главное новшество. Таким образом, эту организационную модель Чаянова можно назвать беспроигрышной. И кроме того, в ней, на мой взгляд, прослеживается и скрытая критика коллективизации, и объяснения последующего, довольно плохого состояния сельского хозяйства в СССР и других странах Восточной Европы.

Теодор был близок к Виктору Данилову, разделял его взгляды, они долгие годы сотрудничали в Москве. Данилов говорил о том, что и Ленин в конце своей жизни, и Чаянов, и Бухарин — все они разделяли представление о развитии крестьянства на абсолютно добровольной основе, в интересах страны и самих крестьян, а так-

же сельского хозяйства в целом. Теодор писал: «Чаянов разделял идею многоуровневого кооперативного движения, кооператива кооперативов, организованных снизу и поддерживаемых государством, но не управляемого им».

И в заключение мне хотелось бы поделиться своими наблюдениями. В своем обзоре работ Шанина 1970–1980-х годов я обратил внимание на некоторые стратегические качества, которые часто служат ему для защиты его позиций. Вот пример, касающийся крестьянской дифференциации или образования класса. Шанин говорил, что, без сомнения, дифференциация сыграла важную роль в капиталистической трансформации крестьянского сельского хозяйства и часто представляла собой наиболее серьезное структурное изменение. Также существует не один-единственный путь развития капитализма в сельском хозяйстве, однако исследование крестьянского классового наследия и классовых образований требует теоретического обоснования, которого Шанин, как и Чаянов, не давали. Здесь имеются противоречия в работах Теодора, некоторые из которых я иллюстрировал в своих публикациях. Сейчас мне хотелось бы вернуться к тому вопросу, который я задавал ранее. Несмотря на то что в Русской революции народники и Чаянов разделяли традиционную веру в незыблемость крестьян и крестьянства, все же если рассматривать этот вопрос с точки зрения политического анализа Чаянова, то его можно считать революционным мыслителем. Хотя Чаянов не был революционером в политическом смысле. Благодарю вас за внимание и за терпение.

А.М. Никулин: Большое спасибо за это замечательное выступление! Это одновременно фундаментальный обзор и краткое резюме работ Теодора Шанина в связи с русской историей, народничеством и Чаяновым. Уже в самом выступлении Генри было заложено несколько вопросов, а в чате уже появились некоторые комментарии. Я бы суммировал некоторые сюжеты: русское народничество; Чаянов и Шанин; русское народничество как безусловно революционная традиция и как они соотносятся между собой? Каково участие Чаянова в Русской революции, насколько его можно считать представителем традиции русского революционного народничества? Первое, что мне хотелось бы сказать: на мой взгляд, и Чаянов и Шанин были революционерами, я здесь имею в виду их революционное мышление, стремление переделать этот мир, сделать его лучше, сделать его более гуманным. Это непременное качество революционера, который стремится создать новый мир или даже новые миры. И Чаянов и Шанин умели мыслить историческими и футуристическими альтернативами, видеть «многоукладную» революцию, «многоукладное» развитие общества. Безусловно, Шанину была близка именно революционная, порой радикальная традиция народничества, связанная изначально с движением народников еще в 1870-е годы, а потом с партией эсеров, социалистов-революционеров. Чаянов не был профессиональным революционером, он посвятил себя прежде всего

академической работе. Хотя я могу привести пример из его биографии: он участвовал в студенческих демонстрациях Первой русской революции, в революцию 1917 года принял самое активное участие в общественной, политической деятельности, зарекомендовав себя как яркий политик, а затем опять предпочел уйти в научную работу. Но главными мне представляются революционные идеи, которые по-марксистски деятельно воплощаются в жизнь, и в этом отношении последний тезис о Фейербахе Карла Маркса имеет отношение также и к Чаянову — Чаянов стремился изменить этот мир, а не только разработать прекрасные аналитические модели крестьянского хозяйства или вертикально работающей кооперации. Теперь обратимся к характеристике политической позиции и даже мировоззренческой позиции Теодора Шанина. Он с молодости был политическим активистом левых взглядов, убеждений, и тем не менее он стремился к компромиссу между разными идеологическими направлениями. Мне представляется — уникальность Теодора заключается в том, что он был «неудобным» персонажем с точки зрения какой-то одной идеологии. Он был «странный народник», «странный либерал» и «странный марксист». Он искал компромисс, продуктивную модель взаимодействия между этими идеологиями. Это было очень нелегко, но в этом уникальность его подхода. Еще раз повторю, что ему была дорога в Русской революции идея некоторого возможного союза между идеями Чаянова и идеями Ленина — продуктивного компромисса между русским марксизмом и русским народничеством. Напомню, что Чаянов, цитируя знаменитый афоризм Жореса «Революцию можно или целиком отвергнуть, или принять так же целиком, какой она есть», отмечал, что он, Чаянов, принимает революцию и готов идти с революцией до конца. В этом приятии Русской революции, развитии Русской революции, безусловно, также сходны позиции Чаянова и Шанина.

М. Харрисон: Меня просили осветить тему, которая довольно далека от нас во времени, — Англия 1970-х годов, в этот период мы наблюдали своего рода столкновение идей и личностей. На тот момент Теодор защитил диссертацию «Циклическая мобильность и политическое сознание крестьянства» и опубликовал свою статью «Социальная экономическая мобильность и сельская история России» в советском журнале. В то время я был много моложе Теодора, совсем недавно защитил диссертацию в университете Оксфорда, посвященную теории крестьянской экономии с учетом идей Чаянова. Затем я опубликовал одну из глав в «Теориях крестьянских исследований», которая касалась вопроса, затронутого Шаниным в «Неудобном классе» — о мобильности крестьян и неравенстве в деревне. Если вы посмотрите мои статьи на Гугл Сколар, то увидите, что большая часть работ так или иначе связана с «Неудобным классом». Итак, вопрос «Как мы понимаем сельское неравенство?». Для начала стоит обратиться к Ленину, писавшему, что «разложение крестьянства <...> превращает, с од-

ной стороны, крестьянина в батрака, а с другой стороны, в мелкого товаропроизводителя — в мелкого буржуа». Ленин считал, что богатство хозяйства коррелирует с его размером. Он отметил преимущества богатства и минусы бедности, которые будут накапливаться. И в результате в крестьянстве будет происходить линейная дифференциация — богатые будут становиться богаче и в итоге капиталистами, а бедные беднее и превратятся в пролетариев. Таким образом, крупные крестьянские хозяйства становятся больше, мелкие — меньше. Это была точка зрения Ленина. А вот точка зрения Й. Шумпетера, который считал, что есть социальные классы, но есть и социальная мобильность. Что происходит, если элементы класса не стабильны? — со временем в нем будут происходить перемены разного рода. Шанин использовал эту идею и предположил, что, возможно, в российском крестьянстве мобильность является циклической. Он учел тот факт, что преимущества богатства и минусы бедности могут накапливаться, но свою роль могут сыграть и другие факторы: смерть, удача и брак. Некоторые бедные умирают, а в статистике мы видим только тех, кто выжил. Удача — очень нестабильный фактор. Брак также играет большую роль, потому что у богатых крестьян рождаются сыновья, и после вступления в брак этих сыновей делится собственность. И это, по мнению Теодора, уничтожает богатство семьи. Возможно, богатые и бедные могут меняться местами. В итоге все это — вопрос данных и доказательств, так что обратимся к данным. Линейна или циклична дифференциация хозяйств и крестьянства? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было на протяжении длительного времени следить за благосостояниями тех или иных крестьянских домохозяйств. Были проведены так называемые «динамические переписи» (правда, их немного: до революции было пять и четыре после революции). Приведу пример: в Суражском уезде Черниговской губернии прошло исследование по двум переписям, 1882 и 1911 годов. Перепись 1911 года охватила примерно 1500 домохозяйств. Результаты, в принципе, типичны для любой динамической переписи и представляют изменение ситуации на протяжении 30 лет: некоторые домохозяйства разделились, некоторые вообще перестали существовать, некоторые остались прежними. Мы видим, что разделение домохозяйств происходило не очень часто. За 30 лет разделилась ¼ часть — не очень большое количество. Но в среднем больше вероятность, что разделятся более крупные, чем более мелкие. Это показывает процент разделения домохозяйств, который быстро повышается по мере роста ферм. Нам стоит смотреть на эти данные, так скажем, по диагонали. Домохозяйства, оставшиеся в той же самой категории, составляют не более 50%. Таким образом, мы видим их некую «циркуляцию» вверх и вниз. Кроме того, если мы сравним верхнюю и нижнюю половины, то обнаружим, что разделение хозяйств, хотя и редкий, но важный фактор. Так, 40% крупных домохозяйств в 1911 году остались такими же, как в 1882-м,

а остальные были разделены. В своей книге «Неудобный класс» Шанин делает следующее заключение: классовая дифференциация существует, но не кристаллизуется в сельском сообществе. И затем, когда большевики во время революции пытались обратить бедняков против кулаков, им это не удалось. «Ни одна пропагандистская попытка в долгосрочной перспективе не смогла привести к тому, что крестьяне переймут представления городских жителей о классовых отношениях и классовой борьбе, поскольку они противоречат их обыденному опыту», — считал Шанин. Я в 1978 году писал, что я — городской житель, и мне кажется, что я знаю лучше, но сейчас, когда я оглядываюсь назад, я считаю, что, возможно, был слишком самоуверен. Насколько оправданна была моя самоуверенность? Хочу подчеркнуть несколько моментов в «Неудобном классе». Шанин утверждал, что семейные конфликты (между отцами и сыновьями, свекровями и невестками) мешали постоянному процветанию более богатых домохозяйств, поскольку все предпочитали разделять хозяйство, а не решать конфликт. Почему разделение хозяйства было таким определяющим? Понятно, что это связано с разделением богатства и сфер влияния в семье. Но вопрос в том, что же мешало матерям, дочерям, отцам и сыновьям достичь согласия и приводило к конфликтам? Действительно ли разделение хозяйства было таким существенным для богатства семьи? Как Ленин, так и Шанин считали, что размер хозяйства коррелирует с его богатством. Однако российское сельское хозяйство в начале XX века сильно менялось — становилось больше скота, выше урожаи сельскохозяйственных культур. Мне хотелось получить больше данных о корреляции с размером хозяйства — я нашел их в работе Г.А. Кущенко «Крестьянское хозяйство в Суражском уезде, Черниговской губернии по двум переписям 1882–1911 гг.» (Чернигов, 1916). Он приводит большое количество данных не только о размере хозяйства, но и о его богатстве и видах деятельности. В некотором смысле это исследование уникально, поскольку там есть информация по разделенным и неразделенным домохозяйствам. И с учетом этих данных почему бы не использовать метод, который мы сейчас называем «разность разностей»? Оказывается, этот метод уже существовал, я просто не знал, что он есть и не знал его название. Итак, мы можем сравнить ситуацию в домохозяйствах, которые существовали в 1882 году и были разделены до 1911 года — я называю их D-фермы, и сравнить их с хозяйствами, которые остались объединенными — U-фермы. Здесь мы наблюдаем проблему: D-фермы отличаются изначально от U-ферм, они крупнее и в среднем богаче. Таким образом, эти две категории изначально не одинаковы. Но здесь есть решение: мы можем сравнивать самые «топовые» D-фермы и схожие с ними U-фермы, потому что, возможно, это более однородные группы. Это я и сделал. Я решил сравнить тенденции, которые касаются самых крупных D-ферм и самых преуспевающих U-ферм. Здесь я привожу самое основное. Я рассматриваю

4 аспекта организации хозяйства и изменения, которые произошли в них в 1911 году по сравнению с 1882 годом. Эти измерения я делаю по всем D- и U-фермам, а также отдельно по «топовым» фермам каждой категории.

Начал я с первого показателя — соотношения количества членов семьи к семейным работникам. И мы видим тенденции изменений по всем хозяйствам и отдельно по «топовым» в каждой категории за эти 30 лет. Есть ощущение, что появившиеся изменения не очень связаны с циклом жизни хозяйства. Как мы поняли, деление хозяйств не связано с разницей в семейном жизненном цикле. И второй результат, который не был сюрпризом: те хозяйства, которые разделялись, становились относительно меньше за 30 лет, это достаточно очевидная истина — если хозяйство разделить, оно станет меньше. Но мы видим, что разница по U-фермам не такая большая, как по D-фермам.

Следующий показатель — количество скота на члена семьи. Кажется, что если семья становится беднее, то количество скота падает. Но мы видим, что в случае D-ферм там становится больше скота на человека, чем в U-фермах, особенно это касается «топовых» D-ферм. Такие хозяйства приобретали больше скота на человека, а не меньше. И если этот показатель считать показателем богатства, то эти D-фермы не страдают. А если посмотрим на количество наемных работников и их соотношение к семейным работникам, увидим, что по всем фермам это соотношение падает. Возможно, в Черниговской губернии капитализм не так уж сильно развивался. Но мы также видим, что эти тенденции очень разные в D-фермах и U-фермах. Первые нанимают больше работников на членов семьи, а вторые — меньше. Опять же, эта разница особенно заметна в «топовых» фермах. Это сильно отличается от того, что мы могли ожидать, потому что нам могло бы казаться, что если хозяйство разделяется, то оно беднеет. Возникает вопрос: было ли разделение одним из механизмов развития капитализма? Интересно, что думал Шанин об этом. Я не нашел достаточно информации. Около 1977 года Шанин и я присутствовали в Лондоне на крестьянском семинаре, организованном Школой Восточно-африканских исследований (Терри Байресом и Чарльзом Кёрвином). Я помню, что очень нервничал. Не знаю, как чувствовал себя Теодор, мне казалось, что ему тоже не все нравится. И я думаю, что здесь было столкновение моей высокомерной молодости и его жизненного опыта и зрелости. Но мы точно вели себя лучше Байдена и Трампа. Насколько я помню, мы не нашли никакого компромисса, но я сожалею об упущенной возможности — сегодня я провел бы эту беседу гораздо более продуктивно. А тогда я был слишком агрессивен.

Итак, какие выводы из этого я могу сделать? Первое: в своей книге Шанин подчеркивает много разных вещей, я не сразу это заметил в свое время. Что касается моего предположения, статистически оно было в целом верным, но нельзя сказать, что это — «же-

лезобетонное» доказательство. Важно ли это было с практической точки зрения? Могу сказать, что по-прежнему не знаю, потому что можно обнаружить какой-то результат, показать, что он достоверен, но все равно может оказаться, что значение этого эффекта не так уж велико. Здесь я пока ничего не могу сказать. Возможно, что кто-то уже изучал это, возможно, был какой-нибудь магистр или студент PhD, который посвятил этому главу в своем исследовании. Я думаю, что здесь еще можно посмотреть, что можно сделать. Возможно, что однажды может быть найдена такая перепись, ее оригинальные результаты. Возможно, их можно будет рассмотреть более подробно, используя современные методы. Главное, чтобы эти данные были доступны. Может быть, в областном архиве Чернигова можно найти больше данных, и кто-нибудь из студентов этим займется. То, что я сейчас рассказал — маленький эпизод из жизни великого человека Теодора Шанина, но я очень рад, что у меня была возможность рассказать об этом.

А. Никулин: Спасибо большое! В докладе профессора Харрисона рассмотрен ряд деталей концепции циклической мобильности из первой шанинской монографии. На мой взгляд, вопросы остаются открытыми, и споры, происходившие между профессорами Шаниным и Харрисоном, остаются актуальными и в наше время. К сожалению, только в 2019 году работа «Неудобный класс» была переведена на русский язык. Но мы уверены, что этот перевод будет способствовать интересу российских молодых ученых к полемике о дифференциации российского крестьянства. Я должен сказать, что Теодор пытался использовать чаяновскую методику в наших полевых исследованиях в 1990-х годах. Так же, как и традицию бюджетных земских исследований, но собрали лишь несколько десятков таких бюджетов — этого было недостаточно для статистической интерпретации процессов дифференциации уже постсоветского сельского населения 1990-х годов. Но мы пытались комбинировать качественные и количественные исследования, уже и как антропологи, задавая вопрос сельским жителям постсоветской России: «Как вы себя определяете — вы богатые, средние или бедные?» Лично я работал на Кубани в Краснодарском крае, это юг России, где процессы дифференциации всегда происходят более стремительно и более глубоко. И ответы звучали так: в богатых станицах люди говорили: «Что вы, какие мы богатые, мы средние». Когда этот вопрос задавался бедным, на наш взгляд, жителям станицы, они отвечали: «Нет, мы не бедные, мы — средние». И было интересно, как и богатая и бедная страты старались идентифицировать себя с ценностями среднего слоя сельского сообщества. А когда мы задавали этот вопрос представителям среднего класса сельского сообщества, то многие скромничали: «Мы — бедные». И вот эта проблематика сельской бедности и среднего состояния, которое статистически улавливалось во времена столетней давности, в полемике марксистов и народников, она определенным образом воспроизводилась 100 лет спустя. Мы эту проблему постсоветской сельской

дифференциации обсуждали на «длинных столах» наших заседаний, организованных Теодором. Мне представляется, что этот вопрос остается открытым, интересным, и я надеюсь еще раз, в связи с публикацией книги Шанина на русском языке и с учетом той полемики, которую представил нам Марк Харрисон, российские ученые и их иностранные коллеги еще будут работать над этой темой. Еще раз спасибо профессору Харрисону за этот доклад.

Сейчас мы передаем слово профессору Джудит Пэллот.

Дж. Пэллот: Большое спасибо. Я хотела бы поблагодарить вас за приглашение и возможность вернуться к более раннему периоду в своей академической карьере. Если Генри Бернстайн сравнивал Шанина и Чаянова, то я буду говорить, скорее, о своем личном отношении к Теодору, о том, что у нас остается за пределами полемики, касающейся дифференциации. Хочу представиться и пояснить, почему я здесь. В последние годы я занимаюсь различными исследованиями, в том числе и вопросами российского крестьянства. Могу сказать, что я познакомилась с идеями Теодора Шанина в 1970-х, как и Марк Харрисон, как Генри Бернстайн. Я писала монографию по теме российского крестьянства в период до образования СССР. В 1990-х годах я вернулась к ней вновь. Могу сказать для молодых людей, что западные ученые, изучавшие крестьянство, приехав в Россию, обязательно стремились в глубинку и встречались с крестьянами. Это было и до 1992 года. Это была удивительная возможность увидеть настоящую деревню в России, реальную жизнь. В 2005 году я начала заниматься различными моделями российского общества, в частности изучала женщин-заключенных, а также тех, кто принадлежит к этническим меньшинствам. Прошло много времени с тех пор, как я занималась крестьяноведением, но выступившие до меня спикеры заставили меня вспомнить время 1980–1990-х годов, когда мы интересовались вопросами дифференциации. Это была довольно оживленная дискуссия, разные версии понимания «левых» и «правых». Шанин писал свои статьи и был в центре этих дискуссий, всегда неоднозначных. В 1972–1973 годах я с Марком Харрисоном была стажером в МГУ. Помню, что однажды он пришел ко мне в комнату и сказал: «Джуди, я только что опроверг ученых-аграрников и все их аргументы!» А потом вернулся и сказал, что все-таки не уверен, что смог опровергнуть взгляды Чаянова. Позднее я начала работать в Оксфорде и встретилась со специалистами-крестьяноведами, среди них было очень много историков, которые занимались вопросами восточных и западных крестьян. Мы встречались один раз в месяц, и я должна была анализировать статистику и объяснять, что же происходило в российских селах. Я работала в отделении географии и на тот момент общалась с экспертами, которые изучали проблемы шведского крестьянства. Мы обсуждали постоянные трансформации в крестьянстве, вопрос, можно ли считать крестьян революционерами или нет. Тогда многие писали диссертации по крестьянству, и могу утверждать, что сторонников Ленина и сто-

ронников Чаянова в дискуссиях было примерно поровну. Мне было очень интересно заниматься изучением русского и советского крестьянства. Многие из моих коллег, которые работали в этой же сфере, так же активно включались в сравнительные исследования крестьян Африки и Ближнего Востока. Поскольку работы Шанина оказали огромное влияние на развитие крестьяноведения, интересно проследить, где истоки этих работ — у западных ученых или у русских? Мне всегда были также интересны идеи Шанина, посвященные двум русским революциям. Замечу, иногда мы на Западе недооцениваем российских историков, писавших о Революции. Когда у нас планировался семинар, посвященный Революции 1917 года, я настаивала, что нужно пригласить Теодора Шанина, ведь именно в России впервые победила революция. И я всем не устаю напоминать, что именно Теодор в самом начале своей книги «Неудобный класс» писал о том, что, двигаясь по довольно сложному пути, можно многое узнать. Он всегда знал, что на него будет обрушиваться критика, и Марк сегодня это подтвердил. Но вот вопрос: а какие аспекты отсутствовали в советских дискуссиях? И это относится к пространству возможностей, которое открывал Шанин. Затем это получило название «интенциональность». У нас были разные примеры, связанные с дифференциацией: обычно главой хозяйства был мужчина. Однако можно выделить и недифференцированные категории крестьянского хозяйства: этническая, религиозная, гендерная принадлежность, что также оказывало влияние на развитие. Если говорить о невидимости женщин в тех дебатах, которые проходили в СССР в 1990-х, то в основном им отводилась роль в производстве детей и некоторые другие вспомогательные функции. Конечно, были и иные ситуации, связанные с разделением хозяйств, например, когда невестки конфликтовали со свекровями. Поэтому так интересно рассмотреть, какую роль играла гендерная принадлежность в дифференциации. ведь это к тому же оказывало влияние на решения, которые принимались в 1920-х годах.

Вопрос роли женщин в развитии начал становиться все более серьезным с 1970-х годов, когда стали появляться первые работы по этим проблемам. Женская бедность, или бедность среди женщин, имела важное значение при исследованиях, но это не учитывалось при обсуждениях о распределении богатства. Крестьянки не изучались в США, как говорила вчера Кристин Воробец. Существует определенный разрыв и между работами, посвященными характеру крестьянского общества и процессу формирования хозяйства. Еще одно различие касается национального вопроса, что также не отражалось в дискуссиях о дифференциации. Обычно все участники были славянами и православными, но существовали ведь и татарские, украинские и другие этнические меньшинства, в которых практики были иными. Помню, что Дэвид Ранселл объяснял более высокий уровень выживаемости среди мусульманских семей. Или уровень детской смертности, что тоже необходимо учитывать при разговоре о культурных и иных различиях. В обсу-

ждениях дифференциации первостепенное значение имеет структура крестьянских хозяйств. Да и экология тоже играет не последнюю роль — это может показаться довольно странным, поскольку хозяйство зависит от объема производства и от природных ресурсов, к которым у них есть доступ. Конечно, многое можно объяснить тем, что есть большая вера в науку у разных сторон, которые участвуют в дебатах о дифференциации. С моими коллегами в Оксфорде мы рассказываем студентам о различных исследованиях, и когда мы рассматриваем вопрос о дифференциации крестьянства и его трансформации, то некоторые точки зрения на проблематику могут противоречить друг другу.

Но я хотела бы вернуться к Теодору. Я понимаю, что он не делал особый упор на гендерных вопросах, но тем не менее он во многом поспособствовал организации исследований на эту тему. Он создал пространство, в котором заинтересованные исследователи могли бы продолжать свои исследования и дискуссии. Я также согласна с идеей о том, что у представителей разных школ могут быть общие взгляды, так что, с одной стороны, Теодор наводил мосты между ними, но, с другой, его научный путь лежал в другом направлении. И сегодня мы как раз особенно тщательно изучаем уникальность того направления, которое он выбрал.

Я встречалась с Теодором лично. Одна из наиболее запомнившихся встреч была в 2014-м на мероприятии по продовольственной безопасности. Он говорил о бедности, продовольствии, направлении изменений. И то, что он говорил, казалось мне достаточно прогрессивным для XXI века. Но самое большое свидетельство важности его работы — это количество человек, которые вы сегодня смогли собрать здесь. Это люди всех возрастов, разных национальностей, из разных стран. И все эти люди хотят говорить о Теодоре.

А.М. Никулин: В постсоветское время Джудит Пэллот много работала у нас как «полевик» в сельской России вместе с нашим известным географом Татьяной Нефедовой. Я надеюсь, что в выступлении российских коллег, которые будут позже, те темы, которые Джудит затронула, так или иначе еще будут освещены. Сейчас у нас будет выступать Алексей Берелович, представитель Франции, также много и плодотворно работавший с Теодором Шаниным и Виктором Даниловым.

А. Берелович: Мне кажется, что, когда говоришь о Шанине, с трудом можно разделить человека и ученого. Он был очень харизматичен, воспринимался как единое целое, где наука, его личное обаяние, манера держаться, окружать себя другими людьми — неразделимы. Я бы хотел подчеркнуть несколько вещей, которые здесь мало обсуждались. Он был политик — и мне кажется, это важно. Я не знаком с его деятельностью в Англии, но в России в 1990-х годах он активно участвовал в общественно-политических дебатах, которые тогда велись. Когда все считали, что единственный путь, по которому должна идти Россия, — это путь стран Запада (молодая

команда под руководством Гайдара смотрела на Запад), Теодор организовал большую конференцию «Куда идет Россия?», где сам вопрос предполагал различные возможные варианты. Немного раньше вышел сборник «Иного не дано», собравший под своей обложкой всю либеральную российскую интеллигенцию. Тогда Шанин в ответ пишет статью «Иное всегда дано». Как ученый он всегда рассматривал альтернативы, как политик — подчеркивал, что история не написана заранее, ее делают люди. Надо обсуждать и выбирать, а не думать, что уже все предрешено. Я хотел бы подчеркнуть и вторую его черту, которая также сплавляет воедино человека и ученого, — это его верность друзьям. Я не знаком со всеми его друзьями, но двоих знал хорошо. Это Моше Левин, с которым его связывали общая юность и десятилетия дружбы, и Виктор Данилов. Теодор, как показывают многие его книги, не был «чистым» социологом. Он был и историком — всегда подходил к вопросам и с исторической точки зрения. Так вот, с Виктором Петровичем Даниловым, которого он сразу же включает в Интерцентр и в Центр крестьяноведения МВШСЭН, они создают проект «Крестьянская революция 1902–1922». То есть начиная с предвестников революции 1905 года через революцию 1917 года и Гражданскую войну вплоть до периода НЭПа крестьянство добивается того, чего оно хотело. Данилов и Шанин с помощью команды историков-архивистов опубликовали 8 томов исторических документов по крестьянской революции. Первый том — «Антоновщина», про крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 годов. В этом томе в предисловии они объясняют цели и задачи своего проекта. Можно сказать, что они совершили своего рода «коперниканскую» революцию! После десятилетий изданий книг о революции 1917 года, положительно или отрицательно ее оценивающих, они поставили в центр крестьянскую революцию. И показали — при помощи документов! — что именно крестьянство в этот период играло центральную роль. Что именно оно решило судьбу революции. И мне кажется, что то, что сделал тогда Теодор, неоценимо, потому что это перевернуло в значительной мере наше видение российской истории XX века.

В.В. Кондрашин: Теодор Шанин прежде всего был ученым, и его идеи будут всегда интересны и востребованы специалистами различных областей гуманитарного знания. Хорошо известно, что Шанин буквально ворвался в науку со своей докторской диссертацией, по «мотивам» которой в 1971–1972 годах выходят в свет его монографии «Крестьяне и крестьянские общества» и «Неудобный класс», где были изложены основные ее положения. По воспоминаниям Теодора, их публикация была воспринята научной общественностью, как будто бы «взорвалась бомба»! Впоследствии монография о крестьянах и крестьянских обществах переиздавалась в течение двух лет 8 раз, а затем ее перевели на испанский, персидский и малайзийские языки. Она включала тексты из наиболее крупных и интересных работ историков, социологов, экономистов,

этнографов, писателей разных времен и народов о крестьянстве. В 1992 году эта монография с дополнениями трудов российских крестьяноведов в виде хрестоматии «Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире» увидела свет в России.

Успех работ Шанина определялся не только их высокой научностью и новизной, но общественной востребованностью. В то время шла война во Вьетнаме, и в Англии хотели как можно больше знать о крестьянстве, успешно воевавшем в джунглях против вооруженных до зубов американцев. И труды Шанина на эту тему в значительной степени удовлетворяли этот интерес.

Хотя основные положения научной концепции Шанина в области крестьяноведения заслуживают более серьезного анализа, тем не менее можно тезисно акцентировать внимание на некоторых из них, наиболее важных, по нашему мнению. В своих исследованиях Шанин основывался на достижениях предшественников и коллег (А.В. Чаянова, Р. Редфилда, Д. Скотта, Э. Вульфа и др.). Его отличало крайне бережное, уважительное и в то же время творческое отношение к их научному наследию. Шанин обосновал закономерность возникновения крестьяноведения как отдельной гуманитарной дисциплины — в первые десятилетия XX века оно возникло в России и странах Восточной Европы, позднее в ведущих западных странах. В «крестьянских странах» (России, Польше, Румынии и др.) этому способствовало два фактора: наличие самого крестьянства и развитой академической науки. Сталинская коллективизация и фашистские режимы в Европе надолго приостановили развитие крестьяноведческих исследований в этих странах. Их всплеск произошел в 1960–1970-е годы, но уже в США, Англии и других развитых странах Запада из-за возникновения проблемы отсталости в освободившихся от колониализма странах третьего мира, а также неудач неоколониальных войн США и Франции в Индокитае, особенно США во Вьетнаме. Большинство населения стран третьего мира составляли крестьяне, и поэтому Западу нужны были знания об их природе, чтобы вести «правильную политику» по отношению к ним. Их получением и занялись интеллектуалы, работающие в рамках крестьяноведения в ведущих университетах США, Англии и т. д. Шанин выделил наиболее важные признаки крестьянства, позволяющие утверждать о параллельном существовании крестьянской экономики, ее жизнеспособности в условиях индустриальной модернизации и других аналогичных процессов, что опровергает марксистскую теорию прогресса. Он убедительно рассуждал об универсальности крестьянской экономики и признаков крестьянства в различных странах и в различные исторические эпохи. Согласно Шанину, крестьяне всего мира на протяжении всей истории человечества отличались от других категорий населения тем, что вели свое семейное трудовое хозяйство, совместно проживали в селении, занимались идентичными видами хозяйственных работ, по одной же схеме взаимодействовали с властью (платили налоги и т. д.). «Общие

черты в крестьянстве разных эпох и регионов достаточно отчетливы, чтобы говорить о крестьянстве как таковом», — подчеркивал он.

Шанин осознавал, что крестьянство — это историческая категория и под натиском индустриальной и постиндустриальных модернизаций оно сокращалось численно и в перспективе исчезало как традиционный вид хозяйствования. Но по его мнению, когда исчезнет «последний крестьянин», крестьяноведение как самостоятельное научное направление останется, поскольку огромным полем деятельности крестьяноведения станет неформальная экономика — прямое наследие крестьянской экономики и крестьянского образа жизни. Неформальная (эксполярная) экономика — это повседневность большинства населения планеты. Она функционирует на принципах семейной экономики традиционного крестьянства, чтобы «выжить и заплатить налоги». Шанин — один из инициаторов изучения данного феномена современными гуманитарными науками.

В качестве аргумента, что именно Теодор Шанин поднял мировое крестьяноведение на достойный уровень в иерархии гуманитарных наук, внес значительный вклад в пропаганду его идей и достижений в международном научном сообществе, приведем лишь один факт, о котором мне рассказал Теодор. Речь идет о его выступлении на конференции в Ширазе (Иран) на тему крестьянства в условиях модернизации. Оно вызвало интерес курировавшей сельское хозяйство страны императрицы Фарах Дибы, жены шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, которая удостоила Теодора своей личной аудиенции, после которой возникла возможность создания в Англии «Международного университета крестьяноведения». Шах Ирана по ее совету готов был профинансировать его создание и деятельность. Но Шанин не взял на себя ответственность единолично решить столь важный вопрос, учитывая политическое противостояние Ирана с Западом. Он пригласил в Англию ведущих крестьяноведов мира на специальное совещание, и участники так и не пришли к единому мнению: представители третьего мира выступали за, «западных стран» — против. В результате «Международный университет крестьяноведения» создан не был. О высоком научном авторитете Шанина как крестьяноведа, широте его научных изысканий свидетельствуют его полевые исследования крестьянства в Индии, Мексике, Танзании и других стран.

Научно значимы успехи Шанина в изучении крестьянства России. Он — подлинный знаток истории русского крестьянства эпохи кануна и революционных потрясений России в начале XX века, в том числе изданной в России на эту тему монографии «Революция как момент истины», являющейся квинтэссенцией его прежних работ по данной тематике в англоязычной версии. Проблемы крестьянства России и Русской революции рассмотрены им и в других многочисленных публикациях, изданных в последние десятилетия в России, а также в ходе дискуссий на организованном им совместно с В.П. Даниловым теоретическом семинаре Интерцентра МВШСЭН «Современные концепции аграрного развития».

Внимание российских исследователей привлекли идеи Т. Шанина о России как о развивающейся стране третьего мира со всеми свойственными особенностями, главная из которых — ее крестьянский характер. Революция в России открыла собой череду подобных ей революционных потрясений в других странах третьего мира: Мексике, Китае, Турции и др. Шанин обосновал тезис о самостоятельной роли крестьянства в революции 1905–1907 годов, которого никто за собой не вел, ни рабочие, ни революционеры. Крестьянская война началась и развивалась в силу своих внутренних причин, имела вполне осознанный характер и четкую самоорганизацию, в основе которой сельская община. Самодеятельный характер крестьянского движения был предопределен положением общины в послереформенный период, получившей от самодержавия значительную автономию, что проявилось, по мнению Теодора, в таком феномене, как обычное право, когда де-факто утвердился приоритет традиционных норм крестьянского суда над официальным судопроизводством.

Новаторским словом в изучении причин Русской революции стал так называемый «поколенческий подход» — Шанин фактически первым из историков и социологов России обратил внимание исследователей на возрастные характеристики участников крестьянских выступлений в России в годы Первой русской революции. Это было поколение крестьян, родившихся после отмены крепостного права, с менталитетом свободных людей, оказавшихся под влиянием индустриальной модернизации и активного воздействия со стороны революционных партий. Также он дал очень убедительное объяснение участия в Революции 1917 года и Гражданской войне на стороне большевиков латышей и представителей других нетитульных народов. Это последствия жестокого подавления самодержавием крестьянских восстаний в Латвии, Грузии и в других окраинных районах империи в 1905–1907 годах. Одетые в солдатские шинели бывшие мальчики и подростки не забыли жестоких расправ царских карателей над их отцами и братьями в те трагические годы.

Следует помнить, что за время работы в России в качестве ректора и почетного президента МВШСЭН по инициативе Т. Шанина и его ближайших коллег и друзей Т.И. Заславской, В.П. Данилова и др. были реализованы такие крупные исследовательские проекты в области крестьяноведения, как «Социальная структура советского и постсоветского села» (1990–1994), «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.» (1994–2005), «Неформальная экономика сельской России» (1995–1997), «Неформальная экономика домохозяйств: реструктуризация сетей межсемейного обмена» (1998–2000), «Kinship and Social Security» (Семейно-родственные сети и социальная безопасность) (2004–2008), «Местное самоуправление и гражданское участие в сельской России» (2005–2008), «Социальная дифференциация и местное самоуправление в сельских поселениях и малых городах России» (2009–2010). Важнейшие результаты этих исследований были отражены в томах ученых записок «Крестьяно-

ведение: Теория. История. Современность», соредактором которых с 1996 года и до последнего времени был Теодор Шанин.

А.М. Никулин: Слово предоставляется профессору географического факультета МГУ Александру Ивановичу Алексееву, он много работал в сельских проектах, был экспертом в региональных географических исследованиях.

А.И. Алексеев: Должен сказать, что время, когда я общался с Шаниным и теми, кого сейчас зовут «коренные шанинцы», — одно из самых интересных в моей жизни. Хотел бы начать с того, как я встретился с Теодором. Нас познакомила Инна Владимировна Рывкина, с которой мы очень давно сотрудничали по изучению сельского образа жизни. Я был у нее в гостях в Новосибирске, и вот меня представляют «английскому профессору». Он не был похож на английских профессоров, которых я много видел в МГУ, — те были при галстуках. Это я уже потом услышал рассказ Шанина о том, «как отличить Шанина от всех других преподавателей английского университета: он единственный без галстука». И еще поразила, конечно, его речь — было видно, что человек изучал русский язык не по учебнику, а вращался «в глубине народных масс». Дальше у нас началось профессиональное общение, и должен сказать, что Шанин — один из немногих социологов, который хорошо понимал, для чего нужна география. Я и мой коллега Александр Ткаченко из Тверского университета определяли те зоны, в которых нужно отобрать села для монографического изучения. А потом уже с Валерой Виноградским и другими ребятами мы делали программу изучения сельского населенного пункта, в том числе — его территориального окружения. Уже после смерти Теодора я узнал, что, оказывается, Шанин — истинный географ, я посмотрел его исследовательские проекты — это была Танзания, Иран, Индия, Бразилия, Китай, Швеция, США и т. д. Человек знал не только развитые страны, но и развивающийся мир. Так получилось, что мне пришлось читать лекции по сельской социологии в России. И вот рассказываешь, как в 1930-е годы у нас искали «врагов народа», а в это время в США уже выходит журнал «Сельская социология». Как известно, в СССР даже слово «социология» было запрещено. Если посмотреть первое издание Большой советской энциклопедии, в статье об экономической географии есть специальный раздел «Вредительство в экономической географии» — конечно, возникает чувство горечи. И я сделал для себя вывод, что два человека возродили сельскую социологию в России — это Татьяна Ивановна Заславская, которая еще в конце 1960-х годов начала со своей командой изучать миграцию сельского населения, потом сельскую местность как систему, потом работу сельского населения. А с 1990-х Теодор Шанин возродил то, что было в начале XX века — провел крупномасштабное изучение каждого отобранного сельского населенного пункта. Я до сих пор привожу студентам пример: я приехал в гости к Александру Михайловичу Никулину и Валерию Георгиевичу Виноградскому в станицу Краснодарского

края, и в первый же день к нам в гостиницу стали приходить местные жители и рассказывать такие тайны своей жизни, что я был потрясен: насколько эти двое «шанинцев» влились в сельскую жизнь и насколько население им доверяет. Для географа это была мечта, у нас как-то очень давно уже нет таких исследований, когда бы нам пришлось длительное время прожить в одном населенном пункте. А участие в обсуждении с Шаниным на «длинном столе» — это вообще пир духа, как говорится. Когда они прекратились, я просто физически почувствовал, что мне чего-то не хватает в жизни. Закончить я хочу вот чем: когда мы с Шаниным стали встречаться реже, в основном на этой шикарной конференции «Куда идет Россия?», где была секция «Социология деревни», для меня он стал похож на литературного героя Стругацких из «Понедельник начинается в субботу». Там один из персонажей — самый мощный маг Саваоф Баалович Один, вот его описание: «От Саваофа Бааловича исходила чудовищная энергия. Было замечено, что в его присутствии часы начинают спешить и распрямляются треки элементарных частиц, искривленные магнитным полем». Я чувствовал, что при встрече с Шаниным я попадаю в такое поле, которое дисциплинирует — надо подобраться, нельзя быть в расслабленном состоянии. Таких людей знаю только двоих — Татьяну Ивановну Заславскую и Теодора Шанина. Так что ему спасибо за все, что он сделал.

А.М. Никулин: Раз уж Александр Иванович вспомнил команду Шанина — социологов, которые в 1990-е годы реализовывали его социально-антропологические проекты, фактически использовавшие чаяновскую методику, то я передаю слово «тройке коренных исследователей» того времени — Виноградскому Валерию Георгиевичу, Фадеевой Ольге Петровне и Штейнбергу Илье Ефимовичу.

В.Г. Виноградский: Александр Иванович, спасибо Вам за то, что Вы напомнили ряд интересных эпизодов. Но начну с другого. Я — «полевик» команды первого крестьяноведческого проекта Теодора Шанина. Первый раз я увидел Теодора в июле 1990 года в зале заседаний Академии сельхознаук, по-моему. Разношерстные команды людей, собранных «с миру по нитке» с разных регионов — географы, историки, социологи, культурологи... От молодых до ветеранов, как я — мне было уже почти 40 лет. Ждем, Шанина нет. Спустя некоторое время в зал уверенной походкой входит громадный мужчина. На плече — бесформенная, но очень дорогая кожаная сумка, которую он небрежно бросает на покрытый красным бархатом стол, еще советских времен, и говорит по-русски три фразы, отрывисто, с небольшим акцентом: «Извините опоздание (без предлога). Десять минут. Москва — тяжелый город». И потом началось организационное собрание, в результате которого возник этот проект. Но меня поразило не то, что Шанин говорил, хотя это тоже было очень интересно. Но вот его напряженное выражение лица... От Шанина исходила какая-то странная энергетика: с одной стороны — уверенность, непререкаемая, а с другой стороны — какое-то ожидание,

отвага какого-то риска. Эти две эмоции прочитывались и в его глазах, и в тональности его разговоров, они поражали. Такого до сих пор видно не было. Либо профессор и ученый человек, либо робкий аспирант, в ожидании чего-то. И вот это человеческое качество хорошо читалось в поведенческих акциях Шанина на всем его пути. Оно проявилось и в его способах управления командой первого крестьяноведческого проекта. Здесь я хочу остановиться на одной важной вещи: Шанин, на мой взгляд, приучал всех нас с самого начала привыкнуть к незнанию, не к впитывающей пустоте, а к науке «незнания», к этой «De Docta ignorantia», которая восходит еще к Сократу, толкает вперед пуще иных сил. Меня здесь поддержат члены первой команды проекта Шанина — он запретил нам в течение первых трех месяцев пребывания в деревнях заниматься чем-либо по научной части: приставать с расспросами, лезть с таблицами — интересоваться чем-то подобным. Это погружение в состояние «знания незнания» тебя действительно «растворяет», и ты начинаешь становиться настоящим «полевиком». Восприняв этот урок, который я получил от Шанина, в эти первые три месяца в деревне я не нашел ничего лучше, как купить там дом (в нем мы прожили вместе с семьей три с половиной года), а затем устроиться на местную пекарню «высаживать» только что испеченные буханки хлеба на стеллажи. Так я не только приносил каждый день детям и жене свежий хлеб, но и познакомился со всей деревней. Люди приходят за хлебом, становятся в очередь: «А кто это такой?» — «Пришел истории какие-то писать». Привыкли — и стали самими собой. Это такая шанинская уловка про «науку незнания». И еще пример из «науки незнания»: это тот самый документ — «картина села», второй важнейший документ после истории семьи, который помогал в этом проекте с начала и до конца. У нас был небольшой коллектив географов и социологов, мы этот «путеводитель по картине села» и создавали. При очередном обсуждении мы предложили Теодору, чтобы крестьяне рассказывали о дорогах, связывающих эту деревню с внешним миром, он подумал и сказал: «Ну, дороги... Это такая вещь городская, географическая, военная. А в деревне ведь тропинки. Так посмотрите на тропинки, по которым ходят, ездят на телегах». Не задавшись вопросом о тропинках, мы пропустили бы массу информации... Представляете, мы спрашиваем людей: «А знаете ли вы тропинки, по которым ходите вы одни или ваши знакомые?» И всплывает округа в ее потайных «карманах» — грибница, малинник, которые знакомы только этим людям. Яма для хранения ворованного колхозного картофеля, например куда грузовик можно спрятать. Всякие «ловчие» ямы, к которым по дорогам не ездят, а ходят по тропинкам. И целая жизнь — неформальная, экономическая, природособирающая. Это результат вопроса Шанина «про тропинки». И подобные «уловки», которые базируются на «науке незнания», до сих пор работают. Все время примеряешься в своих нынешних научных действиях к тому, чему учил нас Шанин.

А.М. Никулин: Спасибо, Валерий. Воспроизведены очень важные детали методологической полевой работы, которой учил нас Теодор Шанин. А сейчас я передаю слово Ольге Фадеевой.

О.П. Фадеева: Я продолжу линию наших «первых членов шанинской команды», «рыцарей длинного стола», как писал про нас Отто Лацис в свое время. Я с Теодором познакомилась чуть раньше, через Татьяну Ивановну Заславскую. Я из Новосибирска, из новосибирской экономико-социологической школы, как сейчас принято говорить. И Теодор еще тогда — в 1988 году — замыслил несколько раундов организации школы для молодых социологов (это еще СССР, перестройка) — решил, что надо молодых социологов как-то образовывать. Приехал в Новосибирск, мы встречались на квартире Татьяны Ивановны, нас было трое, тех, кто затем поехал на эту школу. Это было небольшое «лоббирование» для нас, но мы все равно проходили затем экзамены. Уже в Манчестере Теодор спросил, какова моя исследовательская деятельность, чем я занимаюсь в Новосибирске. Я сказала, что это сельский мир, домашнее хозяйство. Он сказал: «Знаешь, я планирую сделать такое исследование — прийти в Россию и попробовать организовать, чтобы можно было выехать в села и действовать не так, как вы привыкли действовать — приехать и собрать заполненные анкеты, и только ветер будет петь за автобусами приехавших и уехавших социологов, а поработать в деревнях подольше». Мне показалось это довольно странным и необычным. И вряд ли осуществимым. Но через год проект начал реализовываться, причем с довольно большим размахом. Валера сказал, что собралась довольно разношерстная команда, но она была ориентирована на то, чтобы работать в самых разных полях и самых разных регионах, начиная от Белоруссии и заканчивая Сибирью. Потом присоединились Урал, Нечерноземье. Это было довольно интересно чисто географически выбранное исследование. Это первое.

Второе — это то, как подбирались люди в проект. Тоже своего рода социальный эксперимент, потому что предстояло на три месяца выезжать в село. Были запущены разного рода «социальные сети» — кто-то кого-то рекомендовал, кто-то жил там постоянно, кто-то ездил между домом и селом в течение этих лет. И это тоже было показательно — кто из нашей команды смог друг с другом ужиться и плодотворно работать, а у кого-то это не получалось. Но Теодор сразу ввел правило: каждые три месяца мы приезжаем в Москву, собираемся, как правило, в Переделкино и проводим «длинные столы», которые занимали несколько дней и были посвящены самым разным вопросам, начиная с отчетов с мест. В них не было строгой структуры, но Теодор проводил эти «длинные столы» как замечательный модератор, мог ставить вопросы, на которые мы пытались ответить. Мы сами разрабатывали вопросники — Теодор не привозил их нам, мы сами пытались разобраться, какие вопросы мы хотим задать нашим респондентам, как их нужно поставить. Позже я уже не смогла участвовать в полевых иссле-

дованиях — у меня родился ребенок. И Теодор назначил меня «начальником штаба», это было где-то через год после начала проекта. Было достаточно странно — что может делать человек с маленьким ребенком? Но я все равно каждые три месяца приезжала. Я сразу начала вести «летопись» нашего проекта. Тогда еще особо не было диктофонов, я писала от руки, потом это расшифровывала, пересылала всем, отвечала за бюджет и за все материалы, которые участники наших групп привозили. Пыталась как-то классифицировать, контактировать с людьми. Мне как воспитаннице новосибирской школы, которая была приверженцем количественных методов, было немного странно, что не все мы действовали по одним образцам. Там было много разнообразия, которое сводилось к тому, что не все одинаково сдавали материалы. Как правило, группа работала в трех селах в течение первого проекта, и у всех было написано по-разному. Мои попытки сделать это единообразно или систематизировать не приводили к большим успехам. Но потом я поняла, что в этом есть смысл — оставить это разнообразие. Теодор и не стремился к тому, чтобы были сданы однообразные труды. И еще очень важно, что Теодор с моих первых шагов знакомства с ним делал ставку на образование — я познакомилась с ним благодаря этой первой школе молодых социологов в Англии. Затем он каждое наше заседание нас «образовывал» — такая мини-лекция. А потом он, по сути, принудил большую часть наших исследователей к тому, чтобы они закончили «Шанинку». Я в нее не попала, но многие из моих коллег отучились там. Я хочу сказать, что Теодор развил в нас и во мне прежде всего такое желание пользоваться качественными методами, а второе — я каждый год выезжаю в деревню, причем регионы у меня самые разнообразные. Благодаря Теодору я сначала побывала во всех тех местах, где работали наши группы, как «начальник штаба», по его словам. А сейчас я уже сама себе «начальник штаба». И в этом смысле мое исследование и дружба с коллегами продолжается. Мы создаем такой костяк, который быстро собирается, независимо от того, что между нами тысячи километров.

А.М. Никулин: Я передаю слово третьему участнику шанинских проектов 1990-х годов — Илье Штейнбергу.

И.Е. Штейнберг: Большая честь и радость увидеть всех, особенно моих коллег по первому проекту. Хочу остановиться на первых впечатлениях: как и у Валеры, оно о Теодоре было «неслабым». Я помню два особенных момента: Теодор объяснил, откуда взялся проект, как возник замысел. Его пригласили как эксперта на тему о развитии фермерства, и решил организовать этот проект и самому собирать статистику о хозяйствах после того, как послушал обсуждение своих коллег без какой-либо статистики. «Как они могут обсуждать что-либо, не имея статистики?» Второе впечатление — это встреча, когда Теодор объяснял нам, как будет строиться дизайн проекта, о том, что мы будем жить в селах по три месяца, восстанавливать традиции Чаянова по сбору земской статистки.

Вдруг он остановился и спросил: «А почему вы не задаете мне никаких вопросов, коллеги? Хотя бы один — зачем все это надо?» Мы сказали, что понимаем, для чего это надо. «И для чего же?» Мы сказали, что соберем данные и на их основании дадим рекомендации по повышению производительности труда в сельском хозяйстве и т. д., все, чему нас учили. И он тогда сказал: «Нет, коллеги, не для этого мы здесь. Мы собрались, чтобы узнать истину — как устроено сельское хозяйство, что там реально происходит, потому что опасно что-то менять, не зная происходящего». Это те вещи, которые потом, не сразу, вошли в нас и стали изменять наше представление о том, кто мы и чем мы должны заниматься.

И еще — Теодор как организатор полевых исследований села, где он мог проверить свои гипотезы относительно динамических исследований Чаянова и традиций земской статистики. Для этого он создал рабочую исследовательскую группу, которую назвали «Длинный стол». Сам Теодор описывал свой подход так: «Это метод подготовки и взаимной поддержки, коллективного вклада в развитие программы исследования, который был назван нами «Длинный стол» — по месту и характеру проводимых встреч и совместной работы коллектива исследователей». Я это процитировал по статье «Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни». С тех пор прошло 20 лет, но я бы не стал менять ни одного слова в этом определении, хотя за это время было проведено сотни «длинных столов» по различным исследовательским задачам, а с 2006 года есть курсы по обучению методу «длинного стола» в вузах, различных исследовательских компаниях и организациях. Более того, в полевых экспедициях мы придерживаемся метода «длинного стола», который завел Теодор в 1990-е годы. В нем три части: сначала — мини-лекция Теодора по методологическим вопросам исследования, потом — сообщения коллег по этим же темам, далее — отчет о результатах их «поля», некое «профсоюзное собрание», как он это называл, где обсуждаются технические и бытовые вопросы. Еще он проводил индивидуальные беседы с каждым участником по разным вопросам. С тех пор порядок немного другой, особенно на курсах, там специальные упражнения дают, но участникам я всегда объясняю основные принципы этой групповой работы словами Теодора, которые звучат как афоризмы. Например: «Ни у кого нет монополии на истину», «Иное всегда дано», «Невозможного нет, только трудное». И спустя 20 лет могу сказать — чему Теодор научил участников «длинного стола» и в плане методов подготовки исследований и не только, так это умению проводить исследование в условиях неопределенности, изучению этой неопределенности как самостоятельного феномена. Мы «начали экспедицию в СССР, а закончили в Российской Федерации», по выражению Теодора. Тогда мы не смогли применять чаяновскую методику бюджетных исследований из-за инфляции, дефицита всего, криминала. Но они не были отброшены и забыты

насовсем: все же дух Чаянова и земских статистов присутствовал, особенно при анализе интерпретаций этих данных.

Еще одно, чему научил нас Теодор за это время, — это способ мышления для изучения нелинейных систем и циклических процессов, которые представляет сам человек в отношениях. И третье — это упрямые требования фактов и беспристрастное их взвешивание, критическое мышление с опорой на традиции предшественников. Это нас до сих пор сопровождает. Дух «длинного стола», создание пространства взаимной поддержки, коллективного вклада, свобода мысли и уважение друг к другу — это очень важно, это он очень умел делать, как никто другой. Я думаю, что можно говорить о школе Теодора в разных смыслах, но для меня школа — это когда есть учитель, есть ученики, которые разделяют его идеи, принципы, подходы к исследованию — так что школа Теодора существует, мы продолжаем его дело, и он бы сейчас порадовался.

А.М. Никулин: Я хотел бы тоже сказать несколько слов от имени команды Теодора Шанина (я в его проекты пришел чуть позже, в 1993 году). Я очень благодарен моим коллегам за эмоциональную оценку методологических инноваций, которым научил нас Теодор Шанин. Хотелось бы перечислить достижения тех проектов и дать краткую оценку тому, какое приращение знаний у нас произошло в эти годы. Первое, о чем хотелось бы сказать: мы попытались включить в культуру наших исследований бюджетные исследования земской статистики. У Теодора был очень амбициозный проект, о котором он договаривался с Егором Строевым — это был третий человек в России на тот момент, глава парламента, а во времена Горбачева отвечал за сельское хозяйство, профессиональный аграрий, губернатор Орловской области. Идея заключалась в том, чтобы провести такое же массовое статистическое исследование в духе советского ЦСУ 1920-х годов в регионах Российской Федерации. К сожалению, этот проект не состоялся. Наши бюджетные исследования рассматривались как возможный «пилотаж» к предстоящему экономико-статистическому массовому обследованию в 1990-е годы, но Строев утратил вскоре свои позиции, и некому стало лоббировать проведение такого исследования в достаточно бедной тогда России 1990-х годов. Но тем не менее эти исследования были частично осуществлены, и мы на примере нескольких десятков бюджетов получили очень достоверную картину функционирования сельских семей в разных регионах РФ — на Кубани, в Саратовской области, в Центральном Черноземье и т. д. Я считаю, что это очень интересный результат. Одновременно мы проверяли в этих бюджетах идею трудопотребительского баланса Чаянова — насколько это работает. Я бы сказал, что здесь результаты у нас были неоднозначными, и общий вывод, которого придерживался и Шанин, таков: модель трудопотребительского баланса сама по себе красивая и эффектная теоретически. Но когда вы начинаете наполнять ее эмпирическим содержанием, возникает масса нюансов и исключений из правила. Особенно

уже в развитом индустриальном обществе России 1990-х годов, когда вы имеете дело с неформальной экономикой российских домохозяйств, очень важную роль играют и побочные заработки в городе, и различные денежные доходы, поэтому однозначного ответа на то, что модель трудопотребительского баланса работает в своей «чистой» форме, как у крестьянства времен Чаянова, мы не нашли. Эмпирическая действительность 1990-х оказалась столь сложной, что невозможно было однозначно применять эту модель к постсоветской России конца XX века.

Еще я считаю очень важным: Теодор привнес культуру изучения «социологии власти на местах». Изучение власти в советское время фактически было запрещено. Это была тайна, не было такого направления в советской социологии. Тем более антропологических исследований — кто есть кто на уровне отдельного сельского района, какова конфигурация взаимоотношений между председателем колхоза, главой районной администрации, главным инженером, богатым селянином. Я тут должен вспомнить одного из коллег, армянского социолога Амазаспа Маиляна, который использовал методологический подход Макса Вебера, его упоминание о значении «видных людей», «местных локальных лидеров», чтобы вскрыть реальную картину локальной власти на селе, увидеть драму власти. Это тоже удалось исследовать в наших проектах, и даже дать некоторые антропологические описания подобного рода ситуаций.

Четвертое, касательно знаменитого спора — что выгоднее и перспективнее: крупное хозяйство, колхоз или мелкая форма, семейное хозяйство? В России велись такие споры раньше, ведутся и сейчас. Но на материале наших проектов 1990-х мы пришли к выводу, что государство в своей аграрной политике стихийно «шарахалось». То оно старается создать слой мелких фермеров в начале 1990-х, то потом возвращается к поддержке крупных аграрных производителей. И сейчас у нас доминируют крупные агрохолдинги. Но на местах мы обнаруживали попытки найти взаимодействие, неформальное кооперирование между семейными домохозяйствами и «постколхозом», тем, что от него осталось (это часто происходило неформально). Но эти попытки компромисса, попытки нахождения каких-то экономических отношений, сотрудничества между домохозяйствами и колхозом, между крупным индустриальным производством и домашним хозяйством были нами неоднократно зафиксированы и описаны в ряде публикаций. Шанин говорил, что он скептически относится к тезису Шумахера «Прекрасное — в малом», так же как и к «Прекрасное — в большом». Прекрасное — в комбинации. В поиске взаимовыгодного сочетания между малыми и крупными формами. Чаяновский кооперативный путь развития не реализовался в 1990-е годы, но он находил всякого рода неформальные виды. И мы в нашем проекте достаточно много и подробно описали подобного рода неформальные социальные институты взаимодействия крупных и мелких аграрных хозяйств.

Джудит Пэллот упомянула, что, может быть, в своих ранних работах Теодор не уделял достаточного внимания гендерным исследованиям, однако волей-неволей мы вышли на проблему значения женщины в сельском хозяйстве России. Например, когда мы брали бюджетные интервью — есть определенная культура в разных странах того, кто вам рассказывает про бюджет — так вот, в массе своей, конечно, в России это были женщины. В станице, где я был, только один респондент был ответственный среди мужчин за бюджет, а в основном, конечно, это была «женская доля». Впечатленный ролью городской женщины в повседневной деятельности — что надо одновременно быть и на работе, и на домашнем хозяйстве, и при этом формально уступать свою роль мужчине и быть на втором месте, при этом нести основную нагрузку домашней работы и труда в общественной сфере, Теодор также сформулировал один из своих иронически парадоксальных афоризмов: «В России лучший мужчина — это женщина».

Я назвал только часть интересных и важных направлений междисциплинарных социологических количественно-качественных проектов Теодора Шанина. Вот еще один: важным было исследование проблем сельской культуры, которую курировал, кстати, Александр Владимирович Гордон и который мог бы охарактеризовать культурологическое направление в наших проектах. Поэтому я считаю, что шанинские исследования дали ценные результаты для понимания реальной картины жизни села, они опубликованы в книге «Рефлексивное крестьяноведение» (2002 г.), там дано хорошее представлением о том, чего мы добились в наших сельских исследованиях различных регионов России.

Сейчас я хотел бы передать слово представителю уже младшего поколения исследователей — Дмитрию Рогозину.

Д.М. Рогозин: С Теодором я познакомился в 1999 году, но сейчас хотел бы рассказать о совсем недавних событиях, поскольку понимаешь, что настоящее еще не кончилось. Все продолжается. Недавние события — это последние два года моего общения с Теодором в 2018–2019 годах. В 2018 году у меня было довольно сложное «поле», оно возникло спонтанно, я его не ожидал. «Поле» длилось всего несколько месяцев, но оказалось настолько сложным, что я из него до сих пор не вышел, а прошло уже два года. Исследование было посвящено бедности в сельской местности. Несколько месяцев я ездил по селам и малым городам — разговаривал с людьми о том, как им живется. Причем отдельно выбирал людей, которым живется очень плохо. Когда я возвращался в Москву, я встречался с Теодором и обсуждал с ним эти вещи. Хочу сделать акцент на роли Теодора в жизни исследователей, которым не повезло, они не приняли участие в глобальных проектах, где Теодор выполнял роль наставника или участника проекта. Вообще совершенная фантастика, когда есть супервайзер — что совершенно отсутствует у нас в полевых исследованиях, хотя су-

первизия нам крайне необходимо. И вот два года у меня прошли под супервизией Теодора.

У нас большинство «полей» инициируется государством, и повестка поэтому «государственная»: кому помогать, как находить бедных, кому какие деньги давать и т. д. И первое, что мы обсуждали с Теодором: когда ты видишь бедноту, не думай, что ты пришел сюда спасать только их. Постарайся увидеть в бедности и какие-то другие аспекты этой жизни. Бедность не тотальна, это не угнетенные люди. Твоя задача в том, чтобы это угнетение вскрывать и докладывать «наверх» — где и как плохо. И вообще, деньги не очень-то этому помогают. Другими словами, роль исследователя заключается не в том, чтобы находить проблемы и их решать. Роль исследователя в том, чтобы совместно со своим респондентом видеть этот мир, переопределять его. Казалось бы, это банально, но все это трансформировало мое зрение. Еще мы обсуждали, кто такой супервизор. И Теодор сказал, что супервизор — это не тот, кто знает больше. Не надо даже думать, что супервизор знает больше, это не про передачу знаний или обучение навыкам. Теодор сказал, что «это зеркало». Это просто другой ракурс. Ничего нового с точки зрения знаний ты не обнаружишь, но у тебя возникает иная перспектива, которая позволит на твою исследовательскую проблему посмотреть по-другому. И это такая вещь, которая меня сначала озадачила, а потом дала мне возможность по-другому посмотреть на то поле, в котором ты находишься. Не ищи объяснения знаниям, а ищи другую перспективу. Не пытайся ответить на вопросы, а пытайся их поставить. И вот это такой второй совет от Теодора. И третье: это тоже может показаться банальным, но в «поле» эта банальность уходит. Теодор сказал: «Государство видит бедность индивидуально». Вот бедный человек, надо дать ему денег. И у нашего государства столько этих выплат, что любое другое государство сразу бы в обморок упало, потому что это сотни выплат, копеечных, но их много. То есть формально государство у нас заботится о каждом. Но если посмотреть на это внимательно, то окажется, что и ты как исследователь не «один в поле», так и нуждающийся человек не один. Помощь идет не ему, а идет семье. И в этом смысле семья и является предметом исследования. Если ты исследуешь бедного, то ты и окружение исследуешь. Нет индивидуальности в социальной жизни. Так же, как и нет индивидуальности в твоей жизни как исследователя. Если ты думаешь, что ты такой умный пришел и что-то здесь обнаружил, и будешь нам рассказывать — значит, ты ничего не обнаружил. Единственная твоя задача — начать разговор с собой, со значимыми для тебя близкими исследователями, а сверхзадача — сделать значимыми и близкими тех респондентов, с которыми ты общаешься. Включить их в исследовательскую повестку, начать говорить с ними. Мы много смотрим на Запад, а здесь на обычном русском языке надо сформулировать, как искать свое место в исследовании, как определять «повест-

ку», которая не является повесткой некоего заказчика, исполнителя, а повесткой, возникающей в этой коммуникации. Вот три аспекта, которые я буквально вынес из взаимодействия с Теодором. Они в настоящем определяют мои размышления о полевой работе, и как резюме я бы сказал так: Теодор в моих последних дискуссиях с ним актуализировал не существующую сейчас, но очень значимую методологическую, методическую роль в социальных исследованиях — это роль супервизий. И мне кажется, это то, на что нужно тратить нам свои усилия. Я думаю, что нужно задействовать свой прошлый бекграунд, чтобы ввести в наш тезаурус еще одно методическое решение от Теодора — «полевую» супервизию.

А.М. Никулин: Спасибо, Дмитрий. Здесь много говорили о значении мудрых методологических рекомендаций Шанина. Но можно кратко суммировать некоторые находки твоих последних изысканий в области проблемы бедности в России?

Д.М. Рогозин: Что приходит в голову: это то, что бедность в России напрямую не связана с деньгами. Государство видит бедность через призму трансферов, для государства человек важен не как личность, у которой что-то рушится, а как некоторый набор документов, которые подтверждают получение человеком средств или его трат по этим средствам. И исходя из этого, очень странно определять бедность через деньги, поскольку мы раз за разом обнаруживаем довольно любопытную ситуацию — конструирование бедности. Находятся группы, и это очень часто связано с национальными группами, например цыгане. Они объединяются семьями и нанимают себе хорошего юриста, который обеспечивает им получение всех возможных дотаций. И эта цыганская община с точки зрения государства смотрится крайне бедно. А в деревне, где они живут, их воспринимают как сверхбогатых. В общем, получается, что, рассматривая эти бумажки, которые «конструируют бедность», — государство воспроизводит какую-то собственную реальность, которая реальна для чиновника и абсолютно нереальна для человека, который находится рядом и в чем-то нуждается. И это связано с тем, что люди, действительно нуждающиеся в помощи, не получают ее от государства, поскольку часто нуждающийся человек не может оформить свою «нуждаемость». Он не может показать, что у него нет денег. В России недостаточно голодать и не иметь работы — нужно уметь показать, что у тебя нет работы. И в этом смысле самые обездоленные люди — это бывшие граждане СССР, приехавшие из Средней Азии. Они не могут подтвердить того, что у них нет доходов. Или женщины, у которых мужчина уехал на заработки и не вернулся. Формально она замужем, но она уже несколько лет не видит мужа и поднимает детей сама. И не может подтвердить свое одиночество — не может получить дотацию от государства. Еще удивило то, что бедность в России не определяется тотальной ненужностью в этом мире. Когда ты с семьей находишься в ситуации, которую чиновники называют «сложная жизненная ситуация» — сложнейшая

ситуация в реальности, то у семей после 2–3 часов разговора обнаруживаются те самые «тропинки» к различным «схронам», взаимоотношениям, помощи — товарищеской или не очень товарищеской. К разным формам самоорганизации, которые государство не видит и никогда не увидит, потому что на них не только бумаги нет, но и эти формы самоорганизации труда определяются тем, что о них не стоит говорить. Их нет не только на бумаге, их нет и в разговорах, они само собой разумеющееся. Я имею в виду, например, принесенные продукты или какую-то разовую работу. Весь этот пласт взаимодействия настолько сильно переплетен, что формально государство часто попадает в ловушку. Например: у нас функционировала программа поддержки молодых врачей и учителей на селе. Если молодой специалист приезжал в село, ему предоставлялось жилье и давались деньги на покупку жилья, а заработная плата у него была выше, чем у людей, находящихся на тех же позициях. Государство ему доплачивало значительно. Но мы вдруг обнаружили, что эти люди глубоко несчастны в деревне, поскольку им никто не продавал сметану по цене, по которой продавали своим. С ними никто не общался так, как общались со своими. Они попали в ловушку отсутствия тех самых трансферов и взаимодействия, соучастия, которые и делают деревню деревней. И еще: я начал с того, что бедность — это не про деньги. В этом исследовании я обнаружил, про что же это. Есть определение бедности в России: «Бедность — это отсутствие будущего». То есть бедность — это растерянность перед тем, что будет завтра. И здесь мы уже сейчас обнаруживаем в исследованиях коронавируса, что подавляющее большинство россиян не знают, что будет через две недели. Это и есть характеристика накрывающей нас бедности.

А.М. Никулин: Теодора как-то спросили о его собственной самоидентификации — кем он себя считает по национальности? И Теодор сказал, что он наполовину еврей, наполовину восточный европеец и наполовину англичанин. Когда ему сказали, что это уже не один, а полтора, а мы привыкли измерять в единицах, Теодор ответил: «Ничего, я большой и я длинный». Так вот, мы сначала беседовали с вами об исследованиях в Англии с английскими коллегами, потом перешли к России. А сейчас нам предстоит обратиться к нашим африканским коллегам. Я рад приветствовать наших докладчиков из Южной Африки Рут Холл и Бонавентуру Маджани.

Р. Холл: Спасибо команде Чаяновского центра за возможность выступить. У нас есть исследование «Крестьянский марксист, который верил в политическую активность сельских жителей», о котором мы хотели бы поговорить. Я работаю в Западно-Капском университете и познакомилась с работами Теодора Шанина в 1990-х годах благодаря Барбаре Харрис. Для меня было большой честью по приглашению профессора Никулина вместе с Сержио Шнайдером присоединиться к мероприятию, посвященному 100-летию Русской революции и встретиться там с профессором Шаниным лично.

Тогда меня поразило — насколько это скромный и доступный человек, я подумала, что мне нужно все записывать.

На этой конференции мы обсуждали и аграрные изменения в России и других частях света. Шанин занимался Чаяновым, и отчасти и поэтому мы изучаем работы Шанина. Мы очень серьезно относимся к его методологическим предложениям, но при этом достаточно критично к его теории. С большой грустью мы узнали о его кончине и провели в Кейптауне специальные мероприятия, чтобы почтить его память и поговорить о наследии, которое он оставил нам в южной части Африки. Это был ряд дискуссий и совместных обсуждений его книг и статей «Неудобный класс» (1972), «Крестьянство как политический фактор» (1966), «Класс и революция» (1970), «Структура и логика крестьянской экономики» (1973), также работ, посвященных Чаянову. Мы считаем, последние имеют большой смысл для нас сегодня в Африке. Мы также изучали работы, в которых на основе различной колониальной истории стран выделялись три региона. Этот подход особенно интересен в нашем регионе — в Южной Африке, где долго существовал расизм и сегрегация черных и белых. Так, в среде белого населения формировался капиталистический класс, в это же время чернокожие оставались в незавидном положении. Этот феномен лег в основу нашего исследования не только Южной Африки, но и более широкого региона. И именно на эти исследования повлияли работы как Чаянова, так и Шанина. Особенно интересно то, что во время процессов развития капитализма и «пролетаризации» мы наблюдали рождение различных форм контроля над трудом и землей. Это, например, перевод средств и перемещения людей, когда деньги зарабатываются в городе, а потом пересылаются в сельскую местность. Сейчас мы фиксируем деаграризацию: люди, живущие в сельских регионах, часто уже не занимаются фермерством, многие получают доходы не только от сельскохозяйственной деятельности. Кроме того, мы наблюдаем и поколенческую циклическую мобильность: молодые люди уезжают из сельской местности, едут в города, отправляют деньги в деревню. Мужчины и женщины в этом процессе очень часто играют разные роли. В 1970-е годы марксистская экономическая теория говорила о роли женщины в крестьянских хозяйствах, которая заключалась в частичном субсидировании того, как капитал накапливался в городе. Трудовая деятельность в сельской местности являлась основой для социального воспроизводства, выращивания следующих поколений, которые отправятся в города. Поэтому некоторые наши работы используют идеи гендерных теорий. Кроме того, нас особенно интересует молодежь и ее перспективы в сельских регионах. Ведь люди все чаще задаются вопросами о смысле жизни в сельской местности, как так получается, что человек живет в сельской местности, но при этом не занимается фермерством? Это может казаться иррациональным: люди часто инвестируют в дома в деревне, а не в возделывание земли, или владеют землей, но никак ее не используют. Опять же, достаточно часто

социальное воспроизводство в сельских семьях поддерживается семейным трудом, и мы не видим фрагментацию на более мелкие фермы с течением поколений. Исходя из этого, мы постарались адаптировать к нашим условиям некоторые идеи Чаянова и Шанина. Мне кажется, что во многом релевантность работ Шанина связана с вопросами, которые он ставил, и методами, которые он использовал, нежели поиск простого сходства. Конечно, крестьянство, или, шире, сельское население, оказывается «неудобным классом» в нашем регионе. Это ведь не «чистые» крестьяне, и одновременно они не интегрированы в реальность городского рабочего класса. В нашей части света идет множество дебатов по поводу мелкотоварного производства, которым не должно заниматься «настоящее крестьянство», однако мы знаем, что для многих это источник дохода для выживания своей семьи. В заключение хочу сказать, что в Шанине меня вдохновляет то, что он не ожидал, что люди будут строго следовать за ним. Он хотел, чтобы люди делали что-то новое. И мы будем продолжать наши исследования, опираясь на его вдохновение.

Теперь я передаю слово своему коллеге из Мозамбика Бонавентуре Монджани.

Б. Монджани: Я сейчас буду выступать перед людьми, которые работали с Теодором Шаниным, провели с ним большое количество времени, — это трудно, к тому же я молодой ученый. Думаю, что работы Шанина весьма релевантны для южной части Африки. Это касается и концепции, которую он предлагал, и методов, которые он разработал. Шанин признавал социальную активность сельской местности и развивал свою теорию в этом направлении. Мне кажется, что он немного писал о собственно социальных движениях, но доказал, что крестьяне сами по себе не являются реакционным классом или врагами революции — многое зависело от внешнеполитических факторов. Что касается моего исследования: я провожу его в Мозамбике, Зимбабве и Южной Африке и нахожусь в постоянно диалоге с тем, что писал профессор Шанин. Особенно меня вдохновляет его поддержка транснационального аграрного движения. Я сам в течение нескольких лет был активистом, и мне было интересно видеть интеллектуалов, которые не только разделяли пафос, но и принципы продовольственного суверенитета. К сожалению, у нас часто в академических кругах наблюдается большой скептицизм по отношению к аграрному движению. Что касается нашего континента, то иногда мы сталкиваемся с мнением, что в Африке нет настоящих аграрных движений, и поэтому нет внятной сельской политики. Подобное мнение разделяют как ученые, так и активисты. Однако мое исследование в Южной Африке показывает, что некоторые особо яркие формы мобилизации протеста наблюдаются именно в сельской местности. И это не преувеличение и не романтизация.

Второй момент, на котором я хотел бы остановиться, это тот факт, что в Африке сельская активность и ее политическая окраска исторически наблюдалась во многих частях континента. Здесь

уместно вспомнить роль сельского населения и крестьянства в борьбе за освобождение Мозамбика, или крестьянские волнения 1950-х годов и война за освобождение Зимбабве. Все это примеры, в которых участие сельского населения и в частности крестьян было ярким, хотя, конечно, концепция крестьянства — все еще достаточно спорный вопрос. Третий момент касается вклада профессора Шанина в то, как мы концептуализируем крестьянство сегодня и, соответственно, как должны проводиться полевые исследования. Профессор Шанин говорил о том, что очень важно знать деревню, находиться там длительное время, чтобы понимать крестьянство. Я думаю, он имел в виду следующее: для объяснения сельской жизни может не хватать теоретических и даже статистических данных. Шанин всегда воспринимал полевые исследования очень серьезно, считал, что необходимо отправляться туда, чтобы избежать чрезмерного теоретизирования. Еще я хотел бы сказать, что при определении крестьянства Шанин не исключает мелких производителей. Главное в его определении то, что производство осуществляется в первую очередь ради собственного потребления, нежели для продажи на рынке. К сожалению, работы Шанина и Чаянова пока не очень хорошо известны в нашем регионе, поэтому я и Рут Холл приложим усилия для их популяризации, потому что это может быть очень актуально для нашего континента и региона.

А.М. Никулин: Большое спасибо! Вы открыли для нас значение Шанина в Южноафриканском регионе и как профессора-интеллектуала и как социального активиста. Сейчас нам в чат пришло емкое сообщение от нашего индийского коллеги Сима Пурушы.

С. Пуруша: Когда я думаю о Шанине, всегда вспоминаю свои трудности во время моего исследования индийских крестьянских хозяйств. Мои встречи с Теодором в РАНХиГС помогли мне понять, что я могу использовать разработанные им методы и в своих исследованиях. Я очень благодарна за его и Чаянова работы, которые стали для меня источником вдохновения. Спасибо!

А.А. Артамонов: Уважаемые коллеги! Слушая выступления, я с радостью понял, что в них приняли участие представители всех континентов, кроме Антарктиды. Южная Америка и Северная Африка, Азия, Австралия... Это феноменально! Я познакомился с Теодором в феврале 1993 года, когда меня привел в будущую Московскую школу многим из вас известный Александр Олегович Крыштановский. Я присоединился к команде будущей МВШСЭН сначала как инженер информационного отдела, а потом занимал довольно много разнообразных позиций — от сотрудника и до руководителя отдела, от студента до заместителя декана, от преподавателя до утешителя наших студентов, у которых ломались компьютеры или что-то пропадало в них. 16 лет, проведенных в МВШСЭН, — это огромный пласт моей жизни. Мне очень неловко, но мне кажется, что я среди вас единственный, у кого Теодор был в роли не преподавателя, а ученика. Так уж вышло: я учил его работать на компьюте-

ре. Когда Теодор в конце 1990-х обратился к нам в отдел с просьбой научить его пользоваться электронной почтой, мы глубоко вздохнули и решили, что нам предстоит общаться с «тяжелым» клиентом. Теодор — гуманитарий, с техникой он очень «дружил». Он любил пользоваться маленьким наладонным компьютером, в котором знал все, а обычный стационарный не очень любил. Но он решил, что ему надо обучиться. Тогда ему было 70 с чем-то лет. И мы были поражены тому, каким он был учеником. Я давал ему уроки, объяснял, как отправить электронное письмо или напечатать какой-то документ, он все аккуратно записывал в блокнот, потом встречался со мной раз в неделю, доставал блокнот и говорил: «У меня есть вопросы. Вопрос первый» — и задавал этот вопрос. «Вопрос второй» — и снова я отвечал. И дальше с каждой неделей список вопросов укорачивался, и в какой-то момент вопросов больше не было. Надо сказать, что он не очень долго пользовался компьютером самостоятельно, все-таки у него были помощники, но был период, когда он сам получал электронную почту. О необычности его личности говорит много мелких деталей: например, когда мы у него дома в первый раз получили почту, это было письмо от Джорджа Сороса, как сейчас помню, с приглашением в гости, кажется. Что Теодор сделал? Он это письмо напечатал на бумаге, прочел и тут же удалил. Я спросил: «Теодор, а зачем вы удалили письмо?» — «Как зачем? Мне это письмо больше не нужно, я его уже прочитал». Еще момент моего общения с Теодором: когда я ушел из МВШСЭН в 2009 году, через месяц мне позвонил Теодор и сказал, что «тебя здесь очень не хватает, тебя очень не хватает мне, давай периодически встречаться и ужинать». Он хотел, чтобы это было раз в месяц, так не получалось, но все же 2–3–4–5 раз в год мы встречались, и с каждым разом наши беседы становились все более длительными, поскольку я последние три года работал в Школе заместителем декана факультета Управления социально-культурными проектами и был довольно хорошо осведомлен о том, что делают наши студенты и выпускники, и с большим удовольствием рассказывал об этом Теодору. Как они делают Коломенскую пастилу, как они организуют ярмарки, выставки, как они готовят экспозиции в музеях — вся область, связанная с культурными проектами, с музеями, его живо интересовала. Вы бы видели, какой блеск и огонь появлялся у него в глазах, когда он слушал о том, как успешны выпускники «Шанинки», чья география простиралась от Владивостока до Калининграда. Эти дружеские беседы были, как мне кажется, обоюдо важны, поскольку я довольно много езжу по разным городам. Звонок с предложением встретиться и поужинать мог выглядеть примерно так: «Саша, как насчет поужинать сегодня?» — «Теодор, я не могу, я в Енисейске». Еще из хорошего — когда я работал в «Шанинке», я довольно много фотографировал. Этот фотоархив весь оцифрован, доступен Школе. Фотографии используются. Есть довольно большое количество видео, где много того, что еще не опубликовано, что

еще предстоит исследовать, — его публичные выступления, на которые он просил специально приехать. Он дружил с Екатериной Юрьевной Гениевой, директором Библиотеки иностранной литературы им. Рудомино, и у них был совместный проект «Салон Овального зала». Там проходили разнообразные вечера, концерты, чтения, спектакли, творческие встречи. И как-то раз гостем Овального салона был Теодор. Он довольно много рассказывал о своей жизни. Там и прозвучала в его исполнении знаменитая и очень трогательная «Легенда о 36 праведниках», которую он назвал «Легенда о 36 справедливых», поскольку «праведник» по-польски «справедливый». А на следующий день он позвонил мне и сказал: «Слушай, а ведь самое интересное я тебе и не рассказал. Я не рассказал о своей академической карьере». И мы записали большое видео, на целый час, оно еще не «введено в оборот», думаю, что в ближайшее время мы это сделаем.

Нам всем очень повезло еще и в том, что известный российский телевизионный журналист и писатель Александр Архангельский и редактор одной из самых интересных передач на российском телевидении «Тем временем» Татьяна Сорокина в течение трех лет снимали Теодора, записывали его воспоминания и результатом этого стал 19-серийный документальный сериал «Несогласный Теодор». Он появился в прошлом году. 19 серий по 10 минут — такой медийный памятник Теодору. Теодор застал выпуск этого сериала. К большому сожалению, этот сериал существует только с русской звуковой дорожкой, но мне кажется, что можно будет сделать дубляж. А книга, которая была написана по мотивам этого сериала, стала для Архангельского основой серии «Счастливая жизнь». В этой серии кроме книги «Несогласный Теодор» вышла еще посвященная Жоржу Нива «Русофил», готовятся еще другие издания. Теодор как человек очень многогранный и после своего ухода продолжает вдохновлять нас и напутствовать.

К сказанному хотел бы добавить, как порой Теодор бывал предельно точен и лаконичен. В частности, весь очень большой и толстый учебник по управлению, менеджменту организации Теодор свел в 12 «Законов об эффективной администрации Теодора Шанина», которым он призывал следовать всех сотрудников, студентов и преподавателей МВШСЭН. И мы старались это делать.

А.М. Никулин: Уважаемые коллеги, в МВШСЭН планируется создание музея, архива, материалов памяти Теодора Шанина. Но главная наша задача — развивать наследие Теодора, применять творчески в наших исследованиях, на всех континентах в университетских аудиториях и в деревнях, в различных регионах земного шара. Когда Теодору казалось, что мероприятие, на котором он присутствовал, удалось, он говорил: «Спасибо, я многому научился». Это была не просто вежливость маститого профессора. Теодор как ребенок умел учиться, схватывать это знание и в академической среде, и в повседневной жизни.

И в заключение хотел бы процитировать Теодора. «Люди должны становиться взрослыми. Взрослыми учеными или взрослыми гражданами страны. Я не верю, что можно научить людей плавать теоретически, поставив их на берегу реки и объясняя, как махать руками. Чтобы плавать — надо зайти в воду. Единственный способ жить в свободе — выбор. Умному выбор — дать ему выбирать. Конечно, помогать ему советом. Но выбирать должны они и нести ответственность за свой выбор. Неправильный выбор — расплачивайся».

Round table “In memory of Teodor Shanin”

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Lenin Hills, 1. Email: alival@mail.ru

Alexander A. Artamonov, Leading Specialist, Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 82, Prosp. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571.E-mail: aartamonov@yandex.ru

Alexis Berelowitch, University Paris — Sorbonne (Paris IV). France, Paris-5, Rue Victor-Cousin, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Henry Bernstein, Emeritus Professor, School of Oriental and African Studies (University of London). London WC1H oXG, United Kingdom. E-mail: henrybernstein@hotmail.co.uk

Olga P. Fadeeva, PhD (Sociology), Leading Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Production, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Prosp. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: fadeeva_ol@mail.ru.

Ruth Hall, Professor University of the Western Cape, X17, Bellville, 7535. E-mail: rhall@uwc.ac.za

Mark Harrison, Emeritus Professor, Department of Economics, University of Warwick. Coventry CV4 7AL, United Kingdom. E-mail: Mark.Harrison@warwick.ac.uk

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Professor, Head of Center for Economic History, Institute of Russian History Russian Academy of Science. 117292, Moscow, D. Ul’yanova St., 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Boaventura Monjane, Post-Doc, Institute for Poverty, Land and Agrarian Studies (PLAAS) at the University of the Western Cape, South Africa. E-mail: boa.monjane@gmail.com

Alexander M. Nikulin, Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Judith Pallot, Emeritus Professor, School of Geography and the Environment, University of Oxford. Oxford OX1 3QY, United Kingdom. E-mail: judith.pallot@chch.ox.ac.uk

Seema Purushothaman, Professor, Azim Premji University Survey. 66, Burugunte village, Bikkanahalli main road, Sarjapura, 562125 Bengaluru. E-mail: seema.purushothaman@apu.edu.in

Shulamit Ramon, Professor, School of Health and Social Work, University of Hertfordshire. Hatfield AL10 9AB, United Kingdom. E-mail: s.ramon@herts.ac.uk

Dmitry M. Rogozin, Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA), 119034, Moscow, Prechistenskaya Nab., 11 bld.1. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Ilya E. Shteinberg, PhD (Philosophy), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education. Sretenka St., 29, Moscow, 127051, Russia. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Valery G. Vinogradsky, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

On the final day of the Chayanov International Conference (October 22–23, 2020), the round table was held in memory of Teodor Shanin, a remarkable agrarian scientist and researcher of A.V. Chayanov's legacy. The round table was dedicated to both the memory of Professor Shanin who passed away on February 4, 2020, and to his 90th birthday on October 29, 2020. More than 60 scientists and students from different regions of Russia and the world watched presentations of friends, colleagues, and students of Shanin at the round table held online due to the pandemic. The round table was opened by Professor Shulamit Ramon, the widow of Teodor Shanin, who spoke about the worldview dominants of his life and work, his intellectual connection with Russia. The British colleagues of Teodor Shanin — Professors Henry Bernstein, Mark Harrison and Judith Pallot — spoke about directions of the main academic research and discussions which started in the 1970s on social differentiation of the peasantry and referred to the ideological legacy of Lenin and Chayanov; Teodor Shanin made a huge contribution to these debates.

The French scholar Aleksey Berelovich focused on the features of Shanin as a political scientist and a brilliant analyst of the political processes of Soviet and post-Soviet Russia. Russian colleagues of Teodor Shanin — geographer A.I. Alekseev, historian V.V. Kondrashin, sociologists V.G. Vinogradsky, O.P. Fadeeva, I.E. Shteinberg, A.M. Nikulin, D.M. Rogozin, and A.A. Artamonov — shared their personal memories of Shanin and provided a comprehensive description of his interdisciplinary methodology of agricultural research. Agrarian scientists from South Africa — Boaventura Monjane and Ruth Hall, and India — Sima Purushotaman — emphasized the importance of Shanin's legacy for the study of the peasant development in the regions of Africa and Asia. Most presentations stressed and analyzed the intellectual connection of Professor Shanin with the Russian agrarian research of Marxists, populists, and the Chayanov school.

Key words: Shanin, peasantry, agrarian sociology, social differentiation, Russia, Marxism, populism, Chayanov